

Железная хватка графа Соколова

Автор:

Валентин Лавров

Железная хватка графа Соколова

Валентин Викторович Лавров

Граф Соколов #2

В начале XX века политические преступники подрывают устои Российской империи. Эсеры и большевики устраивают взрывы, ограбления банков и частных домов, устраняют наиболее честных и преданных России людей.

В борьбу со злодеями вступает знаменитый граф Соколов – гений сыска. Погони за террористами и смутьянами, которые готовили стране великие потрясения, приводят его в большевистское гнездо – к самому Ленину.

В историческом детективе в самых неожиданных положениях выступают Николай II, Г. Распутин, В. Ленин, И. Сталин, И. Арманд, Н. Крупская, Ф. Дзержинский.

Книга содержит много любопытных исторических сведений.

Валентин Викторович Лавров

Железная хватка графа Соколова

Исторический детектив

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© В. В. Лавров, 2019

© «Центрполиграф», 2019

Железная хватка графа Соколова

Исторический детектив

Александр Дмитриевич Лукашенко, замечательному человеку и гордости МУРа

В феврале 1909 года за разглашение служебной тайны и выдачу террористам-эсерам секретного сотрудника Евно Азефа бывший директор Департамента полиции Лопухин был приговорен к четырем годам каторги. Азеф, считавшийся одним из руководителей эсеров, выставил партию террористов посмешищем всего мира.

Центральный комитет партии объявил о роспуске Боевой организации, хотя ее глава Борис Савинков тут же заявил: «Я сделаю все, чтобы начать новую террористическую кампанию».

Терроризм, эта страшная болезнь новейшей истории, к этому времени успел пустить свои смертельные метастазы. Партия эсеров, как и партия большевиков,

ведомая дьявольским гением Владимира Ульянова-Ленина, уже пестовали в своих недрах боевые группы, замыслившие серию страшных преступлений – от ограблений банков и частных домов до политических убийств.

На пути злодеев встали секретные службы империи, в том числе тот, кого вся Россия называла «гением сыска», – граф Аполлинарий Соколов.

Под жестяной вороной

Жизнь порой выкидывает такие коленца, что диву даешься! Для гения сыска графа Соколова головокружительные приключения начались сразу же после веселого застолья в знаменитом московском трактире.

Трактир Егорова

Первые дни сентября 1911 года выдались на редкость жаркими. Москвичи, проходя мимо дома генерал-губернатора, останавливались перед громадным уличным термометром. Бруснично-яркий спирт, залитый в него, переваливал в полдень за отметку двадцать по Реомюру, что по Цельсию считать – поболее двадцати пяти градусов.

К вечеру духота усилилась. Солнце свалилось к горизонту, пурпурово окрашивая золотые маковки церквей. Край небосклона заволокли тучи – признак грядущей грозы. Толпа на улице заметно убавилась. Владельцы мелких лавочек закрывали ставни, навешивали на дверные заслоны десятифунтовые замки. Богатые, роскошные магазины, вроде меховщиков Михайловых на Кузнецком, братьев Елисеевых на Тверском или колбасника Григорьева, по всей старой столице продолжали торговать вовсю.

Полицейский кучер Антон, всегда сердитый, с нечесаной шапкой волос и седой дремучей бородой, остервенело гнал рессорную коляску с поднятым верхом. В коляске мягко тряслись начальник Московского охранного отделения Заварзин и

граф Соколов, прозванный «гением сыска».

Антон дернул вожжу, свернул у «Национальной гостиницы» в Охотный Ряд и остановился возле кирпичного дома. Он закрутил вожжу на чугунную коновязь, протяжно зевнул и перекрестил красную пасть рта.

Над входом трактира красовалась яркая вывеска: громадная ворона, вырезанная из листа жести, с самым хищным видом держала в клюве жирный, с большими дырками розовый блин. Еще до Егорова трактир принадлежал его основателю – купцу Воронину. С той поры вывеска сохранялась и каждый год к Пасхе подновлялась.

Седоки спустились на булыжную мостовую. Рядом с гигантским атлетом-красавцем Соколовым Заварзин несколько терялся, хотя роста был немалого, на открытом симпатичном лице выделялись умные светлые глаза, под аккуратно подстриженными усами то и дело играла добродушная улыбка.

Заварзин когда-то окончил Пехотное юнкерское училище, а в мае 1898 года счастливым образом попал в Отдельный корпус жандармов. Именно по жандармской части он с успехом возглавлял различные охранные отделения, пока в январе 1910 года не возглавил Московское охранное отделение.

Возле входа под чугунным козырьком с завитушками стоял в галунной ливрее рослый швейцар. Борода, тщательно расчесанная, размерами и формой напоминала веник. Завидя важных гостей, швейцар низко поклонился. Розовая щель рта широко раззявилась.

– Со всей радостью приятно видеть дорогих гостей в нашем заведении! – и с поклоном растворил тяжеленную филенчатую дверь.

Заварзин, верный профессиональной привычке, огляделся вокруг: все ли ладно, нет ли какой подозрительной морды с бомбой за пазухой? Пройдя в вестибюль, начальник охраны перед громадным зеркалом в резной раме поправил и без того тщательный пробор. Соколов заглянул в нижний зал – для серого люда: городских, средней руки торговцев, извозчиков-лихачей, актеров без ангажементов, литераторов без гонораров.

Известно, что трактир Егорова пришелся по вкусу художникам, актерским знаменитостям, писателям и полицейским. На верхнем этаже в двух невысоких зальцах было пристойно, чисто, уютно. Даже курить воспрещалось: хозяин был старообрядец, часто повторял: «Терпеть не люблю всякую глупость!»

При входе в зал висел древнего письма потемневший лик Богородицы. Возле него мерцал янтарный огонек неугасимой лампы. В клетке беспокойно вертела хвостом канарейка. Стену украшало потрясающее произведение, купленное по случаю на Сухаревском рынке. Картина, по мысли ее создателя, воспроизводила сцену из восточной жизни. Под кверху загнутой крышей – терраса. На ней несколько несоразмерно больших фигур желтолицых китайцев в золотых халатах и колпаках, имевших подозрительное сходство с абажурами дешевых ламп. Китайцы, как и положено, усердно дули из пиал чай ядовито-зеленого цвета. (Этот шедевр произвел такое сильное впечатление на великого Ивана Бунина, что он описал его в «Жизни Арсеньева».)

Громадная печь с открытой заслонкой трещала огнем. Шустрые лакеи прямо с шестка хватали горячие блины – жирные, румяные, с различными начинками – и растаскивали их по всему залу. Сытые, потные лица за низкими дубовыми столиками под чистыми скатертями – чудесно!

Сыщики проследовали дальше – на второй этаж, для более приличной публики.

Рихард Вагнер

В уши ударила разухабистая музыка: на невысокой эстраде оркестр балалаечников наярывал «Вдоль да по речке». Едва вошел Соколов, как музыка оборвалась. Но почти тут же балалаечники перешли на нечто невероятное, любимое гением сыска: с самым серьезным видом, почти не фальшивя, заиграли увертюру к «Лоэнгрину» Рихарда Вагнера.

Соколов вынул портмоне, щедро достал красненькую и приказал подскочившему половому:

– Музыкантам, за изящный вкус!

Старый знакомец графа, лакей Семен, молодой ярославец, одетый в чистую кумачовую навывпуск рубаху, жестко перехваченную кушаком о двух кистях, в красных козловых сапожках, подскочил к гостям:

– Наше вам почтение за прибытие! Позвольте поместить вас сюда, в удобный уголок. Все видно? Не дует-с? Что жаждете из холодных закусок? Нынче весьма упоительна малосольная семга – не рыба, а, позвольте выразиться, мечта-с. Мы ее подаем по рецепту самого Петра Великого, «Анна Монс» прозывается. Покойный государь ее предпочитал.

– Семгу или Анну Монс? – расхохотался Соколов.

– И то и другое, ваше превосходительство! Затем недурен салат «Жизнь купеческая» – рыбье ассорти в корзиночке по нашему секретному рецепту. А как мыслите об сельди залом под шубой и с солеными пурмидорами?

– Мыслю! Все тащи, Семен, только скорей.

– Не замешкаюсь, ваше превосходительство! Сами про меня знаете: одна нога здесь, а вторая уже на кухне-с. Икру, понимаю, как обычно, зернистую малосольную в тарелке с деревянной ложкой? А про угорь копченый всегда, даже во сне, поверьте, помню. Как раз свежий завоз нынче, жир с него, подлеца, слезой источается.

Заварзин, внутренне содрогаясь в предвкушении обильной трапезы, счастливо улыбнулся:

– А насчет второго горячего – имени нашего графа, имеется?

– Без этого никак нынче невозможно. Извольте в меню полюбопытствовать: называется «Граф Соколов – гений сыска». Не блюдо – сплошное упоение-с! «Графа Соколова» только тот не заказывает, кто себя не любит. Это стерлядь паровая на шампанском, фаршированная черной икрой и крабами. Затруднитесь из бассейна самолично рыбку выловить, вот, в ручки примите сачок-с. Смелее действуйте. У нас на той неделе ловил наследник купца Хлудова. С таким усердием старался, что изволил сам к рыбкам свалиться. Ей-богу! В зале народ от хохота трясся, об том даже «Утро Москвы» пропечатало. Наследник писаке деньги заплатил: лестно, когда все знают.

Заварзин заловил в сачок самую крупную и верткую стерлядь. Семен одобрил:

– Хорошая животная, норовистая, вон как хвостом полощет... Что тебе лошадь породистая. – Угожливо рассмеялся. – Вот мы ее этапом под конвоем на кухню, самое приличное ей место там, хи-хи. А большой графинчик, самый ледяной, уже вам на стол несут. Приятного аппетита!

Загадочное дело

С наслаждением вытянули по рюмке смирновской перцовки, тридцатипятиградусной. Закусили солеными груздями, только захрустели их крепкие шляпки. На душе стало замечательно.

Заварзин решил, что самое время приступить к делу, для которого позвал гения сыска в трактир. Чуть склонившись к Соколову, негромко произнес:

– Дорогой Аполлинарий Николаевич, мы думали, что террористы закончили свою пагубную деятельность, ан нет... Снова дела начинаются самые серьезные.

– Свежие агентурные сведения? – Соколов с любопытством глядел на собеседника.

– Да, наш ценный осведомитель совершенно определенно указал на некоего саратовского зубного врача Бренера. Осведомитель уверяет, что у этого Бренера хранится динамит, подложные паспортные книжки и нелегальная литература. Товарищ министра внутренних дел Лыкошин приказал нам заниматься этим делом, ибо еще в истории со скрипачом-виртуозом Казариным ты сам, граф, установил: следы из Саратова ведут в Москву. И я направил туда своего сотрудника... – Заварзин замолк, с лукавой улыбкой многозначительно поглядывая на Соколова.

Соколов спросил:

– Сергей Васильевич, ты что смеешься? Направил и направил...

– Дело в том, что этого сотрудника зовут Сильвестр Петухов.

Соколов расхохотался:

– Как же, поучил я малость этого нахала, когда тот служил адъютантом генерал-губернатора Гершельмана.

Заварзин примиряюще молвил:

– Молод да глуп – за то и бьют. Еще ума, глядишь, и наберется. Вот я и направил его провести обыск в доме Бренера и при обнаружении компрометирующих предметов арестовать дантиста.

– Результат? – Соколов вопросительно взглянул на собеседника.

Заварзин вздохнул:

– Хотели преступников схватить с поличным, ведь суды нынче капризные, требуют всех доказательств, а коли нет их, так порой убийц на свободу отпускают.

Увы, не выгорело у нас дело! Сильвестр Петухов доложил: «Перерыли весь дом, ни взрывчатки, ни прокламаций – ничегошеньки нет!»

– Стало быть, Бренер успел вынести из дома, перепрятал?

– Исключается! Лыкошин, учитывая важность дела, направил в Саратов самого Евстратия Медникова – начальника наружной службы всей империи.

– Да, Евстратий Павлович человек ухватистый, сквозь землю видит! – согласился Соколов.

Заварзин продолжал:

– Тот со своими топтунами почти две недели вели наблюдение. Ни Бренер, ни другие ничего из дома подозрительного не выносили. Сам Бренер не мог знать,

что у него обыск готовится.

– Значит, твой агент сообщил ложные сведения.

Заварзин еще более понизил голос:

– Это исключается. Агент отлично зарекомендовал себя. Он любит деньги, женщин и ненавидит революционеров. Сегодня он должен привезти из Варшавы список большевистской агентуры в России, уточнить сведения о намечающихся экспроприациях и возможных терактах. Он уже донес мне, что взрывчатку должны доставить из Саратова. Сегодня вечером возьмем с собой Сильвестра и поедem на нелегальную квартиру, где я поселил этого важнейшего осведомителя.

– Новый Евно Азеф?

В это время подлетел лакей, сгрузил на стол лоснящуюся жиром малосольную семгу, копченых угрей, крепкие шляпки соленых белых грибов, в серебряной миске квадрат паюсной икры.

Выпили еще по одной, Заварзин продолжил:

– До Азефа мой осведомитель не тянет, но может многое. Ведь он свой человек в большевистском ЦК, вхож к самому Ульянову!

– Дай-то Бог!

– Аполлинарий Николаевич, ты не возражаешь, если я приглашу к нашему столу Петухова? Мне хочется помирить вас. Ведь нам всем придется работать по саратовскому делу... Более того, Лыкошин настоятельно рекомендовал передать тебе, Аполлинарий Николаевич, моего секретного агента. С ним уже работает Петухов. Агентурная кличка агента Хорек. Сам Петухов сейчас в охранном отделении, занимается картотекой дактилоскопии.

– Ну и пригласи.

...Через минуту кучер Антон неся на Тверской бульвар, в охранное отделение, с приказом Петухову: «Срочно прибыть в трактир Егорова!»

Заклятые друзья

Вскоре прибыл Сильвестр Петухов. Он с удивлением и некоторым страхом глядел на Соколова. Тот положил свою ручищу на костлявое плечо Сильвестра, добродушно произнес:

– Выпьем за примирение народов.

Сильвестр виновато опустил глаза:

– И вы, Аполлинарий Николаевич, простите мою неуместную горячность. Ведь хотел как лучше...

Заварзин поспешил переменить тему разговора. Он с горечью произнес:

– Сейчас даже не верится, что где-то сидят выродки рода человеческого, готовят террористические акты, жаждут кровь пролить...

– Заметь: пролить кровь лучших русских людей, – добавил Соколов. – Кстати, этот агент, к которому нынче поедem, что за фигура?

Заварзин оглянулся и, хотя за соседним столом никто не сидел, наклонился к Соколову и сказал вполголоса:

– Его настоящего имени я министру не открою. Даже Сильвестр, который с ним работает, имеет об этом осведомителе лишь общие сведения.

Сильвестр согласно кивнул:

– И все же Аполлинарий Николаевич должен знать, что Хорьку около тридцати пяти лет. Он из семьи крупного военного. Учился в Николаевской морской

академии, подавал большие надежды. Но...

Заварзин продолжил:

– Но получил влечение к бредовым марксистовым идеям. Эсеры тут как тут, подхватили его. Их мозговой и организационный трест – Борис Савинков – стал чуть ли не другом Хорька. Особенно после того, как Савинков попался в шестом году и ждал исполнения смертного приговора. Хорек участвовал в его фантастическом освобождении. Сам Савинков дал деру за границу. Хорек ездил к нему в Женеву. И вот теперь, – Заварзин задышал в ухо Соколова, – руководители партии эсеров Виктор Чернов и Борис Савинков готовят взрыв на железной дороге. Хотят пустить под откос поезд с императором и его августейшей семьей... Хорек – первая скрипка в этом деле. Уезжал в Петербург на тайное совещание, где все роли расписывались. Сегодня утром вернулся поездом номер сто в семь сорок два – наружная служба проследила его до дому. Мы с помощью Хорька схватим всю банду с поличным.

– Но почему Хорек вдруг стал сотрудничать с нами?

– История обычная: мы его застукали, когда он перевозил взрывчатку. Выбор у него оказался невелик: или в петлю, или к нам. Понятно, выбрал последнее. К тому же у него произошло полное разочарование в терроре. Ведь все эти гоцы, гершуни, каляевы, фиалки при ближайшем знакомстве вызывают лишь отвращение. Это страшные эгоисты, лишенные дара сострадать. Чтобы получить деньги на пьянство, кокаин, разврат, они готовы убивать.

– Другие – кровавые маньяки. Они прикрывают свое психическое расстройство якобы возвышенными идеями «борьбы за светлые идеи», – добавил Соколов.

– А к простому народу эти типы всегда относятся презрительно, – вставил Сильвестр.

«Анна Монс»

Соколов поднял бровь:

– Хорек решил делом искупить свою вину? Или его прельстили деньги, которые он от вас получает?

– Думаю, что и то и другое, – сказал Заварзин. – Он весьма равнодушен к женщинам. Но не ко всяким, а лишь к публичным. Мы поселили его на конспиративную квартиру по разным причинам. И главная: чтобы всегда был под контролем, а то прежде случалось, что неделями скрывался в каком-нибудь притоне с очередной пассией. Итак, Аполлинарий Николаевич, я передаю Хорька тебе и назначаю руководить операцией. Ты, Сильвестр, поступаешь в подчинение полковнику Соколову. Поздравляю!

Выпили еще по рюмке. Сильвестр, ласково глядя в лицо Соколова, произнес:

– Сейчас Хорек втюрился по уши в знаменитую своими безобразиями Клавку, по прозвищу Железная Нога. Клавка сотрудничает с нами. И – смешно сказать – тоже влюбилась, дни и ночи проводит с Хорьком на его конспиративной квартире в Большом Златоустинском переулке. Представляете, если молодые сыграют свадьбу, какие детишки у них родятся: папаша – террорист и осведомитель, мамаша – из публичного дома. Жаль, что Толстой умер: тема как раз для него, продолжение «Воскресения»... – Съел жульен, добавил: – Их надо видеть: Хорек – довольно щуплый, с недавних пор подслеповатый, а Клавка – что тебе гвардеец: громадного роста, сисястая, задница шире телеги. Умора! Случалось, ее из заведения мадам Карской, что на Солянке, за пьянство и драки не раз в участок доставляли, грозили этапом из Москвы выслать на родину в Курск. Что в ней нашел Хорек?

В это время, ловко удерживая на поднятой руке поднос, к столу подлетел Семен.

– «Анна Монс» – во всей красе своей, – угодливо изогнул спину.

Соколов поднял рюмку:

– Знайте, судари, что девица из Немецкой слободы Монс не только обучала юного Петра азам любви, но, кажется, стала единственной, кто в конце концов мужественно отказался разделить с грозным монархом амурное ложе. Любовь – это чувство святое, трепетное. Любой несчастный и падший имеет право на любовь. Тот же Петр свою Катерину едва ли не из-под солдатской телеги вынул, а она стала императрицей. Смешно сказать: какая-то Монс, которой в пору кур

пасти, бросила самого царя. Не откажи в амурных утехах Анна Монс Петру, так была бы на Руси иная императрица. Выпьем за то, чтобы госпожа удача не отказала нам...

Дом под номером 13

Вскоре Заварзин вытащил карманные часы:

– Э, да нам пора! Хорек нас ждет на «кукушке». (Так сыщики называют нелегальную квартиру.)

Вышли на улицу. Гроза закончилась. Порывами налетал ветер. Он стремительно гнал над крышами фиолетовые облака, сквозь которые проглядывала чистая луна. На горизонте время от времени гроыхало, сказочно и широко озаряя полнеба.

Закутавшись в брезентовый балахон, на козлах дремал Антон. Теперь он встрепенулся, привычно заругался на лошадей:

– Ух, животные, уснули! Я вот вас, холерных, сей миг благословлю под брюхом кнутом. Модель, вишь, взяли – спать. Ну прямо тебе какие благородные.

Соколов вспрыгнул в коляску, и она аж просела.

Крепкие застоявшиеся лошадки рванули с места, весело цокая и выбивая искры из булыжной мостовой. Свежий ветер рванул в лицо. Поднялись на Лубянскую гору. На Мясницкой, за фарфоровым магазином фирмы Кузнецова, свернули вправо – в Большой Златоустинский.

– Остановись у дома Булыгиной! – приказал Сильвестр. – Стой же, антихрист, приехали!

* * *

Соколов поднял голову, прочел на стене эмалированный указатель: № 13. Дом был о трех высоких этажах, с лепниной и претензией на изящество.

– На верхнем этаже его квартира, вон угловое окно открыто, – негромко пояснил Заварзин.

– А почему он в темноте сидит? – удивился Соколов.

– Может, прикорнул малость, нас дожидаясь?

– Сейчас мы его разбудим! – захихикал Сильвестр. – Ишь, окно распахнул, а после грозы весьма прохладно сделалось. С чего бы Хорьку вспотеть? Со своей марухой утрудился, поди. Только бабы в голове. Ну и жеребец!

– Консьержка есть? – полюбопытствовал Соколов.

Заварзин ответил:

– Мы приказали домовладелице Булыгиной, чтоб не держала консьержку. Зачем нам лишние свидетели? Ключи лишь у Хорька, а теперь и у тебя, граф, будут. Пойдем за угол, вход напротив монастыря.

В переулках было пустынно. Лишь в редких окошках теплился свет. Где-то протяжно и тоскливо выла собака, да на углу прохаживался городской.

Сильвестр открыл ключом уличную дверь. Стали подниматься по узкой, чисто вымытой лестнице с фигурными чугунными перилами. В первом лестничном марше Соколов насчитал тринадцать ступеней.

И уже не удивился, когда они остановились против квартиры с белой эмалированной табличкой – № 13.

В подъезде – сонная тишина. Где-то на нижнем этаже заплакал ребенок. С улицы слышался шум проезжающей коляски.

Сломанный замок

Сильвестр деловито покрутил ручку старинного механического звонка – влево-вправо. На скрежещающий звук бронзовых зубцов никто не отозвался. Еще и еще раз – гробовая тишина.

Сильвестр удивленно почесал кадык:

– Что это мой дорогой друг, упился, что ль?

– Или возлюбленную пошел провожать да малость задержался, – задумчиво произнес Заварзин. – Подождем его в квартире. Открой дверь, Сильвестр!

Тот достал английский ключ и стал прилаживать его к замочной прорези – и так и этак. После минуты-другой бесплодных усилий удивленно произнес:

– Не лезет!

– Позволь мне, – вызвался Заварзин. Он долго и старательно пытался вставить ключ в замок. Улыбнулся. – Нет, и у меня не выходит! Кажется, в прорезь что-то попало. – Он вопросительно смотрел на Сильвестра. – Что-то случилось?

– Павел Павлович, позвольте я через крышу в окно влезу и открою замок изнутри.

Заварзин отрицательно помотал головой:

– Мы нарочно такую квартиру выбрали, чтобы влезть было сложно. Над угловым окном на крыше кирпичная кладка – украшение такое. Чтобы ты, поручик, не грохнулся, надо тебя привязать веревкой к трубе. Еще надо страховать на мокрой крыше и в темноте. Да и где веревку сейчас взять? Опасно...

– И что? – с запальчивой готовностью произнес Сильвестр. – Возьмем у дворника.

Заварзин негромко, иронически произнес:

– Еще пожарных вызовем, весь околоток соберем возле «кукушки»? Засветим ее? А завтра, – Заварзин выразительно ткнул пальцем в сторону квартиры, – его в другое место перевозить? – И он вновь яростно покрутил звонок – без результата.

Тогда вступил в дело Соколов:

– Я знаю, что делать. Известный в прошлом взломщик сейфов Буня Бронштейн, а ныне мой сторож и клеврет, откроет эту дверь столь же легко, как бутылку «Трехгорного» пива. – Обратился к Сильвестру: – Поручик, сбегайте в соседнюю аптеку, что на углу Спасо-Глинищевского переулочка, позвоните мне домой, что у Красных ворот, номер телефона 13-77. Пусть срочно приедет Буня да прихватит с собой необходимые инструменты!

Виртуоз

Не прошло и полчаса, как со стороны Мясницкой слышалось дробное цоканье копыт по мостовой – то на лихаче к месту событий несли Буня. Сыщики ожидали его у входа.

Прибывший специалист по чужим замкам с неожиданной прытью соскочил с коляски. Одежда на нем была фантастичной: поросшую буйным волосом широкую грудь обтягивал зеленый махровый халат, на ногах – ночные шлепанцы. Шнифер сделал общий поклон:

– Шалом! Надеюсь, мой скромный наряд никого не смущает? Мне было сказано: «Беги со всех ног, как на пожар!» Вот я и прибежал.

– Извини, Буня, что беспокоим тебя среди ночи! – сказал Соколов.

– Мой старый папа Бронштейн говорил: «Не желай себе конца тревог, ибо с тревогами оканчивается жизнь». Что мне надо делать?

– Открыть замок, поднимемся наверх.

Остановились у тринадцатой квартиры. Буня презрительно глядел на дверь.

Заварзин спросил:

– А где ж инструментарий?

Буня усмехнулся:

– Я почему-то думал, что вам надо дверцу эту отомкнуть! А вам интересна не работа, а чемодан с буравами, долотом, клещами, сверлами и фомками? Тогда вам нужен не я, а магазин слесарного инструмента Роберта Кенца – это рядом, в Милютинском переулке, дом Обидиной.

Заварзин с любопытством наблюдал за знаменитым взломщиком, имя которого ему было известно по судебным газетным хроникам.

Тот продолжал рассуждать:

– Не обижайтесь, но ваш смешной случай напоминает тот, что был у меня в одна тысяча восемьсот семьдесят девятом году. Я тогда в Берлине почти случайно попал в Рейхсбанк, что на Ягерштрассе. Там стоял новейший сейф фабрики Крамера из Митавы. Говорили, что его без ключей открыть невозможно. Так уверяю вам, что я вскрыл сейф быстрее, чем вы успеете себе чихнуть. И я взял «цифру». Полиция как безумная искала меня на всех вокзалах и загородных дорогах.

– А где же вы прятались? – профессионально заинтересовался Заварзин.

– Я прятался? – возмутился Буня. – Да никогда! Я наслаждался жизнью по соседству с полицейпрезидиумом на Александерплаце – в лучшем ресторане с южными винами – «Континентале». Так я отметил Рейхсбанк.

Соколов строго посмотрел на своего сторожа:

– Буня, приступай к работе!

Великий взломщик, задумчиво насвистывая мелодию «Маруся отравилась», посплюнявил палец и пощупал им прорезь для ключа.

Сильвестр, внимательно наблюдавший за этими манипуляциями, подсказал:

– Господин Буня, вам ключ дать? Вы его попробуйте засунуть...

Взломщик тут же отозвался:

– Сынок, ты посоветуй своему батьке, куда засовывать, чтоб у него детишки умные получались.

Сильвестр покраснел, Заварзин не удержался – улыбнулся, Соколов стоял с непроницаемым лицом.

Читатель нашей книги «Граф Соколов – гений сыска» помнит, что, в отличие от нормальных евреев, Буня носил на груди не маген давид – шестиконечную звезду, а некий инструмент, похожий на малую трехлопастную вилку. Это был самый необходимый предмет для вскрытия замков, и назывался он замысловато – щебенный катер. Представители определенной профессии гордились качеством своих инструментов, как маэстро – скрипкой Страдивари.

Чуть ковырнув щебенным катером в замке, Буня вытащил оттуда нечто. Объяснил Заварзину, как гимназический учитель на экскурсии:

– Это засунуто было – гвоздь с откушенной шляпкой. Берите себе на память.

И далее полным изящества движением Буня вновь вставил инструмент в замок, легонько толкнул дверь, и она, чуть скрипнув, растворилась.

Заварзин восхищенно покачал головой:

– Virtuoz! – и с чувством пожал руку королю шниферов.

Буня с достоинством произнес:

– Мой старый папа Бронштейн учил: «Если хочешь кушать цимес, делай свое дело хорошо!» Вот я и делаю. – Повернулся к Соколову: – Мне можно ехать спать?

– Скажешь извозчику Антону, он отвезет тебя.

Буня галантно расшаркался.

– Зай гезунд! – и, шлепая по ступеням ночными тапочками, отправился вниз по лестнице. За его спиной раздались негромкие, но дружные аплодисменты.

* * *

Сыщики шагнули в темноту квартиры. Соколов нутром почувствовал: тут кто-то есть. Такое же ощущение было, кажется, и у остальных.

Во всяком случае, Сильвестр полез под мышку и вытащил из кобуры револьвер. Заварзин повернул выключатель. Ярko вспыхнула люстра с висюльками.

В гостиной, возле стола, опершись на него плечами, сидел в глубоком кресле Хорек. Голова его была неестественно откинута назад. Она держалась на шейных мышцах, как на ниточках. Шея была перерезана электрическим проводом, со стороны затылка накрученным на палку.

На пол натекла громадная лужа крови.

Смертельная любовь

Обхватив голову руками, начальник охраны Заварзин, полный отчаяния, рассуждал: «Кто мог думать, что любовные досуги Хорька закончатся столь плачевно! И то сказать, сколько самых кровопролитных войн, сколько ужасных преступлений вызвали любовные страсти. И я уверен, что этот страшный труп с вытаращенными глазами, с оскалом белых молодых зубов – на совести Клавки,

которую несчастный так любил».

Шпильки

Всякая смерть по-разному отзывается на других. Одних оставляет почти равнодушными или даже возбуждает чувство какого-то нехорошего, странного удовольствия: «Думал, сто лет будет жить, а вот – отпел и отплясался. Ну, а я еще малость небо покопчу!»

Другая часть людей, всегда малочисленная, чужой смертью бывает поражена столь сильно, что, кажется, отчаяние готово убить их самих.

Вот и на сей раз смерть важнейшего осведомителя была воспринята сыщиками различно. Враз рухнули мечты начальника охраны. Он уже не мог блеснуть перед высшим начальством разоблачением врагов империи и еще более продвинуться по должности и чину. Заварзина оскорбляло, что его, словно школяра, провели за нос, что кто-то оказался хитрее.

Вчерашний адъютант генерал-губернатора Сильвестр Петухов, человек, верно, впечатлительный и робкий, не привыкший к трупам и крови, судя по выражению лица, испытывал лишь одно – страх и отвращение перед видом задавленного человека. Его кадык быстрой мышью бегал по горлу, уста сухо сглатывали, лицо было бледнее обычного.

У Соколова, лишённого излишних сантиментов и еще никак не связанного с этим делом, главным чувством было профессиональное любопытство. Его цепкий взгляд с интересом останавливался на различных предметах и малозаметных деталях, которые помогли бы навести на след убийцы.

Соколов первым нарушил оцепенение. Он повернулся к Заварзину.

– Ну, Павел Павлович, теперь невольно я оказался втянутым в эту историю. – Обратился к Сильвестру: – Еще раз сходите в аптеку, позвоните дежурному. Пусть отыщет медика и фотографа – срочно сюда.

Хотя старшим по должности был Заварзин, но распоряжение знаменитого сыщика было воспринято как естественное. Заварзин погрозил Сильвестру пальцем:

– Не вздумай, поручик, дворника и понятых звать – не тот случай! Хоронить Хорька, царствие ему небесное, – Заварзин перекрестился, – тайком будем. И венок от Департамента полиции...

Сильвестр с явным облегчением бросился вон из страшной квартиры, – только каблуки по лестнице застучали.

Заварзин кивнул вслед ему:

– Хороший сотрудник, однако к трупам привычки нет, трясется и пугается. Да это быстро пройдет, не беда... – Полковник вдруг осекся, уставился взглядом на кровавую лужу. – Граф, сюда взгляни, да вот, возле спинки кресла, – и, уже раздражаясь, добавил: – Неужто не видишь? А еще гений сыска!

Соколов невозмутимо отвечал:

– Я много чего вижу. Например, что у тебя, полковник, штиблет развязался. А ты горячишься, полагаю, из-за этих двух шпилек, засохших в крови?

– Конечно! Неужто, граф, ты не догадался, что шпильки потерял убийца? Точнее, потеряла, ибо проволокой задушила Хорька женщина. И я сразу понял – это Клавка Железная Нога. К покойному уже давно другие женщины не ходили. Душила, а шпильки и выпали. Это очевидно. Или ты, граф, не согласен? Думаешь, если баба, так силенок не хватит?

Соколов возразил:

– Задавить проволокой, накинув ее сзади, – нет, для этого не надо обладать силой Железного Самсона или Людвига Чаплинского. Просто я никогда не спешу останавливаться на первой подвернувшейся версии. И тем более нельзя подпадать под гипноз одной-двух улики.

– А что это за креслом валяется? – Начальник охраны поднял с пола разорванную пополам фотографию. – Хе-хе, это фото кафешантанной певички Елены Вевер. Хорек любил хвалиться своей победой над ней. Ясно, Клавка в порыве ревности разорвала ее. – Заварзин с чувством превосходства улыбнулся. – Я нынче же вырву из объятий клиента Клавку, мы с тобой ее допросим, как надо, и она расколется до того самого места, которое ее кормит.

– Какую цель преследовала убийца?

– Вот она нам и расскажет, на кой черт пошла на страшное преступление. Может, с целью ограбления? Вон, ящики в секретере открыты, из книжного шкафа все тома на пол брошены, картина на стене сдвинута – что-то искала. А что искать было у Хорька? Только деньги, тем более что мы ему перед отъездом в столицу пять сотенных выдали. Болтнул Клавке – вот и решилась. Ведь старая истина: мужик в объятиях возлюбленной так размякнет, что начинает свою душу наизнанку выворачивать.

– Это верно, – согласился Соколов. – Проститутки – постоянный и ценный источник информации. Зато, если влюбятся, тут хоть на дыбу подвешивай – любимого не выдаст, крепче любого мужика окажется.

Оперная звезда

Задребезжал дверной звонок. Вернулся Сильвестр. Он с порога сказал:

– Приказ выполнил! Взял у дежурного домашние телефоны медика и фотографа, самолично дозвонился до них, поднял с постели. Приказал: «Незамедлительно прибыть с необходимыми инструментами! Нижняя дверь будет открыта».

– Молодец, поручик! – Заварзин с чувством пожал руку Сильвестру. – Мне нравится твоя исполнительность. – Повернулся к Соколову: – А теперь продолжим осмотр квартиры. Напоминаю: до прибытия экспертов предметы не трогать!

Соколов медленно прошелся по гостиной. Заглянул за спинку орехового диванчика с бронзовыми львиными головами, в большую фарфоровую вазу с давно увядшими розами. Постоял около напольных часов венской работы. Внимательно всматривался в лица людей, запечатленных на многочисленных фотографиях, украшавших стены. Подошел к кровати, негромко сказал:

– Павел Павлович, на подушке клочок волос.

Сильвестр, опережая Заварзина, подскочил к кровати, схватил в руку волосы, радостно крикнул:

– Рыжие! Точно, рыжие Клавкины волосы. Ах, шельма...

– Ты уверен, поручик, что это именно ее волосы? – спросил Заварзин.

– Даю руку на отсечение!

Заварзин задумчиво потупил взор.

– Так-так-с! – Потом решительно произнес: – Я с самого начала понял это! Причина злодеяния классическая – любовь и ревность.

Сильвестр, казалось, уже несколько освоился с обстановкой. Теперь он не оглядывался каждую секунду на страшный труп.

– Вы, господин полковник, хотите сказать, что Клавка в порыве чувств сначала разорвала фото, а затем задушила Хорька?

– Да, поручик, ты прав! Это, вероятнее всего, убийство из-за ревности. Такие случаи не редкость. Эти самые «жертвы общественного темперамента» настолько лишены нравственности, что легко идут на страшные преступления.

Сильвестр с готовностью согласился:

– Это совершенно так! К тому же, – он выразительно ткнул перстом в сторону винной бутылки, – горячительные пары затуманили разум. А Клавка от природы буйная, что конь необъезженный под седлом. Хорек небось любил вспоминать

свои любовные победы. Хвалился он наверняка и перед Клавкой.

Заварзин согласно кивнул:

– Готов допустить это! В порыве страсти, в состоянии аффекта, не отдавая отчета своим действиям, Клавка и прикончила своего любовника. Ученые называют это «коротким безумием».

Сильвестр одобрительно кивнул:

– Именно так дело и было.

Заварзин приказал:

– Поезжай, поручик, на Солянку. Зайди в заведение мадам Карской, скажи ей: «Клавдин возлюбленный тяжело заболел, ну, угорел! Очень хочет пессию свою зреть, теперь же». Если она с клиентом, так это ничего, сделать кобелю замену. – Засмеялся.

– А если Клавка сопротивляться станет?

– Надень на нее наручники! Позовешь городского. Тут – возле жертвы ее ревности – мы Клавку и расколем. Действуй, поручик!

Куда деньги идут

Сильвестр бросился выполнять приказ, но в дверях столкнулся с прибывшими экспертами. Первым вошел в квартиру судебный медик Григорий Павловский – среднего роста, крепкий в плечах, когда-то бравший уроки английского бокса у самого Гвида Мейера.

Фотограф фон Менгден был удивительно художавым, всегда с особой тщательностью одетым джентльменом, в галифе и с моноклем в правом глазу. Его отличительной чертой была молчаливая сдержанность, которую он сам

принимал за высшее проявление хороших манер.

Антон, сердито сопя, тащил за фон Менгденом треногу с колесом, регулирующим высоту подъема фотоаппарата, и сам аппарат, весьма увесистую штуку.

Эксперты приступили к работе. Сыщики продолжили осмотр квартиры. Прошли на кухню. В раковине – немытые тарелки с остатками засохшей пищи. В шкафах и ящиках – ничего любопытного. На столе – несколько пустых бутылок. Соколов усмехнулся:

– Винцо в этом доме уважали. Притом все больше самое дешевое: ординарная марсала, «Тенерифское», «Лиссабонское» – все не дороже рубля. А вот красное бордоское «Сент-Христоли». Вкус не шибко изящный. Куда же гонорары девал Хорек?

– На блядей тратил, – рассмеялся первый раз за вечер Заварзин. – Вот одна из них и прикончила его. Ну да ладно, пошли к экспертам. Что они нам веселенького скажут?

Загадка

Сыщики уже было направились к дверям, как вдруг Соколов обратил внимание на едва приметную стенную дверцу, покрашенную масляной краской под цвет кухни. Соколов не без труда, с помощью ножа, открыл дверцу. Это был холодильный шкаф, такие находились почти в каждом московском доме. Они непостижимым образом даже в жаркие дни сохраняли прохладу.

Соколов заглянул внутрь и удовлетворенно произнес:

– Вот это уже кое-что: аршин десяти электрического провода с обмоткой итальянским шелком. И, смотри, нож, которым отрезали провод, чтобы задушить Хорька. – Крикнул: – Эй, Менгден, снимите с рукояти ножа отпечатки пальцев! Как, впрочем, и со стаканов на столе, и с бутылки.

Менгден, прямой и сухой как трость, качнул головой-набалдашником.

– Нож? – Фотограф осторожно взял его двумя пальцами, повертел перед светом люстры, посыпал белым порошком, сдул его и произнес: – Здесь отпечатки пальцев тщательно затерты.

Соколов взглянул на Заварзина:

– Ну-с, уважаемый полковник, что скажешь? Клавка оказалась столь искусенной, что тщательно тряпочкой удалила свои отпечатки пальцев? Да она про дактилоскопию даже не слыхала.

Заварзин выглядел явно обескураженным. Но упрямо повторил:

– Сейчас допросим Клавку, она всю правду скажет.

Медик Павловский, закончивший наружный осмотр трупа, выпрямил уставшее тело, снял очки в черепаховой оправе и произнес:

– Убийство произошло часов четырнадцать назад. – Он достал из жилетного кармана предмет своей гордости – призовой хронометр фирмы «Габю». Павловский любил показывать серебряную крышку, на которой была гравировка: на фоне двух скрещенных ружей надпись «За отличную стрельбу». – Стало быть, где-то в одиннадцать-двенадцать пополудни.

Торжество

В этот момент появился Сильвестр. Он несколько запыхался от волнения и быстрого подъема по лестнице. Отрывисто произнес:

– Мадам Карская сказала: Клавка еще с девяти утра, дескать, приделась нарядней, накрутилась и пешком отправилась сюда, на свидание с Хорьком. Домой она не возвращалась, и ее больше никто не видел.

– Почему мадам полагает, что Клавка пошла именно сюда?

– Клавка сама ей заявила, когда отпрашивалась до вечера. У них ведь насчет этого порядки строгие, постоянные клиенты приходят, спрашивают. Хотя Клавка уверила Хорька, что она живет лишь с ним и от всех клиентов отказалась, но это не так. Каждый день принимала и двух, и трех. Хорек, понятно, не в счет.

Сильвестр полез в боковой карман пиджака, достал листок сиреневого цвета:

– А вот что мадам Карская обнаружила на столике в комнате Клавки. Это телеграмма, ее Хорек отправил накануне своего отъезда из Петербурга: «Моя ласточка, завтра вернусь домой сотым поездом. Обязательно прилетай ко мне десять утра».

– И куда Клавка пропала? – задумчиво почесал кончик носа Заварзин.

– Ясно куда, – решительно сказал Сильвестр. – Вгорячах убила любовника, выгребла деньги и сбежала. С хорошими деньгами везде приют найдет.

Заварзин приказал:

– Несись, Сильвестр, в охранку, срочно обзвони вокзалы, дай ориентировку на Клавку. Пусть проверяют всех, у кого приметы сходные.

Сильвестр торжествующе потер ладони:

– Что я говорил? Если бы Клавка не убивала, так ей не было бы нужды бегать от правосудия. Жаль, какое-то ничтожество сорвало дело государственной важности. Ну, поймаю, жилы из нее, шлюхи, вытяну! Все расскажет.

Соколов иронически улыбнулся:

– Поручик, вам Клавка все расскажет, если вы покойников говорить научите! Клавка мертва...

Сильвестр потрясенно развел руками, хотел что-то сказать, но из горла вырвался лишь неопределенный звук, а у Заварзина удивленно вытянулось лицо.

Западня

Соколов еще не ведал, что пройдет совсем немного времени, как жизнь преподнесет ему такой сюрприз, что понадобится напряжение всех его богатырских сил, чтобы выйти из сложной ситуации.

Жаркий спор

Заварзин, который всегда восторгался необычной способностью Соколова вмиг распутывать самые сложнейшие преступления, на этот раз с жаром возразил:

– Твое утверждение, Аполлинарий Николаевич, что проститутка Клавка мертва, – смелое, но бездоказательное. Если она лежит где-то холодным трупом, стало быть, и этого несчастного, – он кивнул на тело Хорька, – жизни лишила не Клавка. Но ведь, кроме нее, из посторонних никто в этой квартире не бывал.

– Ну, пока что я не видел ни одной улики против Клавки, – спокойно отвечал Соколов.

– Как не видел! – задохнулся Заварзин. – А шпильки в луже крови? А волосы на подушке? Они ведь принадлежат Клавке? А бокал на столе с остатками губной помады, и сам металлический пенал этой же помады *En etui bois*, которой пользовалась Железная Нога? А портмоне убитого, которое исчезло? А разорванное фото соперницы? – Он с любопытством глядел на Соколова.

Тот возразил:

– Твоя ошибка, что ты увлекся единственной версией, хотя, может, и соблазнительной. А одно из главных правил в розыске – отсутствие предвзятости.

– Но не менее важно – с возможной быстротой выйти на след преступника. А что ты можешь возразить против моей версии? Ведь она зиждется на неоспоримых уликах.

– Поспорить, полковник, есть о чем. Да, волосы на подушке вполне могла оставить Клавка. Но разорвать фото певички Вевер? Вот, держи эту фотографию. Она наклеена на паспорту фирмы «Скамони». Его фирменный знак – флажок в кружочке. Скамони изготавливает свои паспорту из очень прочного картона. И женщине, даже такой дюжей, как Клавка, разорвать его почти невозможно.

Заварзин обрадовался:

– Вот, граф, ты сам сказал: «Почти невозможно». Значит, исключение допускаешь. А дальше что?

– Главное – затерты отпечатки пальцев на ноже. Сколько найдется в Москве людей, которые слышали бы про дактилоскопию? Не больше двух-трех десятков. Причем таких, какие имеют прямое отношение к криминалистике. Клавка в их число не входит.

Заварзин взял Соколова за плечи:

– Вот тут, граф, ты ошибаешься, ибо упускаешь из виду некий пустячок. Конечно, Клавка понятия не имела бы об отпечатках пальцев, если б ее дружкой не был весьма сведущий в этих делах Хорек. О чем они говорили, лежа в объятиях друг друга? Не только о вечной любви. Хорек, это очевидно, был все же хвастуном. Желая блеснуть своими познаниями, он и рассказал Клавке об этом научном достижении. Клавка – сметливая. Она запомнила и взяла новые знания на вооружение. Убив Хорька, не спеша, тщательно затерла на ноже следы и вместе с проводом спрятала в шкаф.

«Красные фонари»

Соколов распахнул окно, полной грудью вдохнул свежий воздух. Сырое небо тяжело занималось утренним рассветом. Слева по старинной Маросейке тащились тяжело груженные возы, подвозили провизию на рынки и в лабазы. Дворники шаркали по тротуарам метлами. Старушки в черном направлялись в церкви. Гений сыска повернулся к Заварзину:

– Подумай, Павел Павлович, ведь это убийство для Клавки бессмысленно! Оно лишало ее надежды выйти за солидного, по ее меркам, человека, освободиться от публичного дома, – возразил Соколов.

– А почему, граф, ты решил, что Клавка горела желанием переменить свое положение? Женщины этой гнусной профессии с большим трудом отрываются от постоянного разврата, от безделья, от жирной сладкой пищи, от пьянства.

– Но, убивая Хорька, Клавка все равно обрекала себя на разлуку с веселым домом мадам Карской!

Заварзин невозмутимо парировал:

– Как часто бывает у женщин, Клавка все это натворила в запальчивости, необдуманно. А потом, что, нет других «красных фонарей»? Клавка за пятерку выправит себе фальшивый паспорт и смотается с ним на все четыре стороны, осядет, скажем, в Нижнем Новгороде или Варшаве и вновь примется за свою работенку. Сколько таких ушлых на матушке-Руси!

Соколов махнул рукой:

– Я докажу тебе: Клавка не убивала. Сейчас я еду домой, посплю часа два-три. Уже утром я вернусь сюда, буду отрабатывать окружение. Преступление совершено среди бела дня, наверняка кто-нибудь что-нибудь видел.

– Прекрасно! – Заварзин повеселевшим взглядом посмотрел на гения сыска. Он радовался тому, что Соколов сдался на его уговоры и перешел из сыскной полиции в охранку. – Эй, поручик! Завтра утром отправляйся к мадам Карской, выведай все возможное: что в последнее время говорила Клавка, кого принимала, куда отпрашивалась, есть ли у нее родственники, у которых она могла скрыться, ну, как обычно. И не забудь поговорить с подружками Клавки – эти мымы всегда знают больше всех. И предъяви для опознания шпильки и

ВОЛОСЫ...

Касса

В десять утра Соколов был уже на ногах – чисто выбритый, сделавший гантельную гимнастику, бодрый и полный сил. Вдруг зазвонил телефон. Соколов удивился: он узнал голос начальника сыска Кошко. Тот мятным, ласковым голосом проговорил:

– Дорогой Аполлинарий Николаевич, знаю, что теперь тебе не до нас, грешных. Но, умоляю, последний раз выручи! Может, слышал – во всех газетах было, – позавчера ночью медвежатники вскрыли кассу в Сибирском торговом банке, в их филиале, что в Гавриковом переулке, дом Шапиро.

– Много унесли? – вежливо спросил Соколов.

– Триста семнадцать тысяч только наличными и еще на полмиллиона ценных бумаг. Вот работают! Словно у твоего Буни Бронштейна учились.

– Я должен прислать управляющему Исааку Шапиро соболезнование?

– Исаак Сергеевич обойдется без соболезнования. Он очень просит тебя помочь! Обещал: за раскрытое преступление и найденные капиталы одарит по-царски – пять тысяч даст.

– Что-то «щедр» банкир! Я ему – миллион, а он мне – на сбитень и семечки.

– Банкиры умеют считать каждую копейку, но я могу поговорить с Исааком Сергеевичем, может, на семь тысконок согласится. Мои ребята с ног сбились – никакой зацепки. И ящик не корежили, а сумели замок новейшей конструкции вскрыть. Сам генерал-губернатор меня вызывал, требует: «Землю ройте, а украденное предоставьте!»

Соколов решительно прервал эту тираду:

– Прости, Аркадий Францевич, у меня сейчас на руках другое дело. Должен убийц отыскать, а человеческая жизнь дороже любых денег, – и дал отбой.

* * *

Внизу дворник Платон старательно поливал из шланга булыжный тротуар. Не заметив Соколова, дернул неосмотрительно шланг и окатил брюки сыщика и ужасно перепугался своей оплошности. Платон, спасаясь от графского гнева, швырнул на землю шланг и припустился бежать к Орликову переулку.

Соколов вслед крикнул:

– Ах, засранец, ты мне еще попадешься, головой опущу в унитаз! – и весело рассмеялся.

Мастер по металлу

Соколов очень любил Москву с ее бесконечной сутолокой, с зеркальными витринами, стремительно пробегающими рысакми, с всегда нарядной и говорливой толпой. Ему нравились лица москвичей, такие разные, но всегда приветливые, с одухотворенным взглядом, их акающий говорок, их шутки, доброе расположение ко всякому человеку.

Вот и теперь он отправился по Мясницкой, быстро вышагивая длинными ногами, обгоняя прохожих своей обычной размашистой походкой.

Дворника ему искать не пришлось. Тот, облачившись в чистый парусиновый передник с бляхой, тщательно подметал перед домом с номером 13. Соколов уже знал, что зовут его Прохор Андреев, что он из рязанских, что ему двадцать девять лет и он большой любитель приключенческих книжек, которые приобретает в громадных количествах возле Китайгородской стены на Лубянке. Возможно, по причине своей начитанности Прохор носил очки, чем весьма гордился и отличался от своих собратьев по профессии.

– Потолковать надо, Прохор Андреев, – сказал Соколов, подходя со спины.

Прохор резко оглянулся, взгляделся в лицо сыщика и радостно воскликнул:

– Неужто это вы, ваше превосходительство! Ой, глазам не верю – сам граф Соколов! У меня в каморке, ваше превосходительство, ваше фото висит.

Хотя «ваше превосходительство» полагалось лишь генералам, но все простые люди искренне верили, что Соколов вполне генерал в своем деле. И были, конечно, правы.

– Швыряй свой инструмент по названию метла, сядем на лавочке вот тут, под березой. Ишь, как хорошо, тихо. Скажи-ка, братец, когда последний раз видел жильца из тринадцатой квартиры?

Прохор сдернул с головы картуз с крошечным козырьком, перекрестился:

– Царствие ему небесное, сегодня видел, как его, накрытого рогожей, на носилках тащили.

– Кто бывал у него?

– У покойного? Девушка рыжая, волосы густые, до поясницы. В грудях у нее, – Прохор сделал движение руками, – роскошное изобилие. С покойником вчера как раз в это время здоровкался. Он на извозчике подкатил. Я у него из рук баульчик принял, наверх поднял, он мне семик пожертвовал.

– А барышня вчера к нему приходила?

– Обязательно! И полчаса после приезда жильца не натикало, как рыжая нарисовалась, в фасонистом гордетуровом платье, аж все переливается из цвета в цвет. Своим ключиком парадную открыла.

– Откуда она ключ взяла? – Соколов помнил, что ключей было всего два – у Заварзина и у Хорька.

– Я сам об том же поинтересовался: «Вы, сударыня, жиличка не наша. Кто изволил ключ вам передать?» А дамочка сказала, как отрезала: «Не суй свой нос в чужие дела!» И перед моим носом дверью хлопнула.

– Может, жилец тринадцатой квартиры свой дал?

– Может, и так. Наверное, скопировал. Как раз по близкому соседству на Мясницкой, в доме под номером два, магазин купца Кирова[1 - Это не плод авторской фантазии. Действительно, в самом начале Мясницкой, рядом с нынешним «Библио-Глобусом», был большой магазин «И. Г. Киров и К

». Странное совпадение: именно эта улица в советское время была названа Кировской – в честь одного из большевистских правителей.]. Там замками торгуют и нарочно мастера по металлу держат. Фамилия ему Чукмандин. Замечательно копирует и берет недорого.

– Долго дама пробыла в тринадцатом номере?

– Виноват-с, господин Соколов, мне пришлось в участок идти с регистрационной книгой. Вернулся лишь к обеду. Когда девица рыжая удалилась – того знать не ведаю. А вообще служу с усердием, жалованье свое в полиции отрабатываю...

Соколов еще раз пожал руку дворнику и пошагал в магазин Кирова – это каких-то двести саженой от Златоустинского.

* * *

Магазин Кирова занимал два довольно обширных этажа, набитых самым разнообразным металлическим товаром – от уздечек, гвоздей, щеколд, кочерег до различных замков – английской модели внутренних, громадных амбарных. Некоторые, совсем как при Иване Калите, закрывались металлическим винтом, каких, кажется, никто лет сто не делал.

Покупателей в торговых залах было много – народишко простой, незамысловатый. Едва появился Соколов, как к нему бросился приказчик весьма замухрышистого вида, в полинялой в белый горошек рубахе, в короткой

жилетке, в стоптанных башмаках.

– Чего желаете, ваше благородие? – Снизу вверх угодливо заглянул Соколову в глаза.

– Ключ мне требуется скопировать.

– Это вам сюда, в дальние помещения, возле кладовой. Лев Яковлевич Чукмандин замечательно работает! Ему даже зять их превосходительства полицмейстера Яфимовича в восьмом году заказ давали, остались довольны – лучше некуда!

Ловушка

За крепкой дубовой дверью, возле громадного сейфа, за верстаком в плисовой ярко-красного цвета рубахе и в новом пиджаке, сидел с самым хмурым лицом, взиравшим на весь мир с кислой презрительностью, мужик лет тридцати. Руки, с глубокими черными морщинами от въевшейся металлической пыли, с необыкновенной ловкостью действовали рашпилем.

При виде Соколова мужик оторопело уставился на гостя, у него мелко задрожали губы, впрочем, он не проронил ни звука.

Соколов сделал знак рукой приказчику: «Пошел вон!»

– Чукмандин, ты меня узнал? – И подумал: «Чего он трясется?»

– Вроде бы, господин, мы незнакомые.

– Я – Соколов из уголовной полиции. Есть серьезный разговор.

Чукмандин на мгновение задумался, остановив оценивающий взгляд на госте. Приняв, очевидно, какое-то решение, с готовностью произнес:

– Если вы тот самый Соколов, то вас все собаки в Москве знают. С моим удовольствием буду соответствовать. Только верну заказчику, ожидают давно, – показал он болванку, какую растачивал. – Да вы, господин полицейский сыщик, присаживайтесь на стульчик. Позвольте, вытру. Теперь чисто, как в горнице у попады.

Соколов с интересом наблюдал, как Чукмандин подошел к рабочему столу, выдвинул ящик, что-то достал и быстро спрятал в левый карман, отчего пиджак сразу провис. Соколов удивился: «Не револьвер ли? Очень похож на французский пятизарядный „нансен“ с коротким стволом. Чего это он? И волнуется сильно, аж руки трясутся».

Чукмандин вновь повернулся к Соколову, в нервной улыбке оскалил зубы:

– Посидите малость!

Он вышел, плотно прикрыл за собой дверь. Соколов вскочил со стула, бросился за Чукмандиным, но не успел – ключ в дверном замке дважды повернулся.

Сыщик с силой рванул на себя дверь, еще и еще раз. С треском, роняя шурупы на пол, отскочила ручка. Соколов стал долбить ею в дверь:

– Открой, сукин сын!

В ответ – тишина.

Мысли лихорадочно пронеслись в голове: «Почему он бросился в бега? Стало быть, виноват крепко в чем-то? Интересно, в чем? Нет, братец, не выйдет!»

Соколов посмотрел на окно – оно было забрано толстенной металлической решеткой.

Тогда Соколов разогнулся и плечом врезался в дверь. Увы, та открывалась внутрь, нисколько не поддалась.

Еще раз и с большей силой сыщик повторил прием. Содрогнулась вся стена, заходила ходуном.

Ободренный сыщик отошел в дальний угол и с отчаянной решимостью бросился в атаку, со всего маха бросил могучее тело на дверь. Казалось, что заколебался весь дом. Еще раз – и дверная коробка вылетела наружу, как пробка шампанского, только полетели штукатурка и клубы пыли.

Началась погоня за беглецом.

Смерть филера

Сокрушив дубовую дверь, Соколов выскочил в торговый зал. Протолкавшись сквозь толпу покупателей, кого-то опрокинув с ног, он оказался на Мясницкой.

– Кто видел преступника в пиджаке и кумачовой рубахе? – крикнул сыщик. – Куда он побежал?

Подросток в лаптях, самого жиганистого вида, хитро сощурился:

– По-олиция? Тогда он во-он туда, в гору побег, к Малой Лубянке!

– Вот тебе за вранье! – Соколов отвесил лгуну «леща» и бросился в противоположную сторону – к Лубянской площади, соображая: «Преступнику всегда сподручней бежать с горы, да и народу на площади много, с толпой смешаться захочет».

Трамвай № 6

Чукмандин, столь неожиданно пустившийся в бега, имел время, чтобы несколько оторваться от погони.

Соколов лихорадочным взглядом шарил по оживленной толпе, пытаясь разглядеть беглеца. Повсюду сновали, двигались люди: юркие рассыльные в

фирменных кургузых пиджачках с блестящими номерами на груди, простолюдины в допотопных чуйках, студенты в суконных картузах, гимназисты в форменных кителях с начищенными пуговицами и кокардами, почтальоны в фуражках с короткими лакированными козырьками, газетчики, отчаянно горланившие: «Свежие новости! Похититель миллиона банкира Шапиро не найден, ушел с концами!»

За спиной Соколова отчаянно зазвонил трамвай. Сыщик отпрянул в сторону. Это был шестой номер: Сокольническая застава – Петровский парк.

Трамвай выкатился на площадь и, замедлив ход, стал сворачивать вправо. Соколов увидел, как прятавшийся за массивной мачтой освещения Чукмандин метнулся к первому вагону и в момент поднялся к кабине вагоновожатого, что-то сказав ему. Трамвай сразу прибавил ходу.

Соколов счастливо улыбнулся:

– Ну, братец, теперь ты от меня не уйдешь!

Сыщик заметил возле чугунной коновязи молоденькую, с крепкими ногами каурюю лошадку, впряженную в легкую рессорную коляску. На козлах дремал, опустив бороду на грудь, извозчик.

Соколов, не теряя мгновений, махом вскочил в коляску, хлопнул по плечу извозчика:

– Хлещи кобылку, догоняй шестой трамвай! Ну, чего рот рассупонил? Гони, говорю!

Извозчик, придурковатый мужик лет тридцати, тупо глядел на седока:

– Чёй-то, транвай? Куда распорядитесь, туды повезу. А на транвае я не пользуюсь.

Соколов, закипая гневом, прорычал:

– Дурень, раз приказано – гони!

– Чаво?

– Ах ты, раззява!

Соколов выхватил из рук извозчика кнут, хлестанул лошадку. Та, дико заржав и скосив на сыщика лиловый глаз, вдруг рванула с места. Соколов успел уцепиться за коляску, а извозчик, не ожидавший столь замечательного маневра, кубарем полетел на мостовую.

Состязание

Соколов, уже на полном ходу торопливо разбирая вожжи, проговорил:

– Вот и хорошо, кобыле легче! Давай, красавица, шевели ногами, догони вон ту железяку. Ах, бабка, куда ж ты лезешь, да еще с тазом? Чуть не сбил, право. Н-но!..

Трамвай уже выкатывал на Софийку.

Кобылка, словно осознав свое значение государственной важности, пошла прыткой рысью, только из булыжной мостовой полетели искры. Соколов не уставал подбадривать ее, то и дело подергивая вожжи.

Трамвай, без конца трезвоня, тоже набирал скорость и даже проскочил мимо остановки. «Этот сукин сын заставил вагоновожатого так гнать. Небось заметил, что я сей миг его самого достану! – подумал Соколов. И не на шутку встревожился: – Если при выезде на Неглинку не затормозит, то вагоны слетят с пути, жертв не избежать! Как остановить безумца?»

Сыщик уже не хлестал лошадь. Теперь она сама вся пласталась, вытягивалась в струнку, неслась столь резво, что было впору фаворитам всероссийского дерби.

Но вот коляска поравнялась с вагоном. Соколов приготовился прыгать на заднюю площадку. Он, прилаживаясь, уже потянулся к поручню.

В этот момент на передней площадке появился Чукмандин. Стоя на нижней ступени, он начал тщательно целиться в голову Соколова. Раздался выстрел. Одновременно с ним вагон тряхнуло на стыке. Пуля попала в голову лошади.

Лошадь запнулась, но, падая, все же продолжала двигаться по инерции вперед. Соколов в отчаянном прыжке взвился в воздухе. Чукмандин еще раз нажал спуск. Пуля обожгла левое плечо сыщика, но тот с непостижимой ловкостью влетел в вагонную дверь.

Поединок

Едва Соколов оказался в переполненном вагоне, он увидел: грубо расталкивая пассажиров – мужчин в котелках и с тросточками, дам в широкополых шляпах с вуалью, простолюдинов, молодых, старых, плакавших от испугу детишек, – к нему с револьвером «нансен» пробирается Чукмандин.

Рука Соколова по привычке дернулась к кобуре, висевшей под мышкой, но он вовремя спохватился: «Досада, тут стрелять никак нельзя. Но этот гаденыш пулей продырявит мне голову. А рубаха-то уже вся залита кровью, из рукава льет. Скоро слабесть начну. Что же делать? У него в барабане еще три пули».

Чукмандин, поначалу двигавшийся с опасливой осторожностью, вдруг оскалился:

– Ах, мент, ты, никак, свой шпаер дома под подушкой забыл? Стало быть, тебе пришло время к ангелам отлетать. – Через весь вагон гаркнул вагоновожатому: – Эй, рулевой, езжай шустрой, а то замочу!

Угроза возымела действие: вагоновожатый добавил скорости, хотя до крутого поворота на Неглинную оставалось недалеко.

В вагоне паника: дети кричали, женщины рыдали, мужчины побледнели.

Оказавшись лицом к лицу с Соколовым, Чукмандин насмешливо оскалил желтые зубы.

– Руки вверх, легавый! К стене повернись, шмонать тебя, мусора, буду. И не рыпайся, замочу в два счета. – И он угрожающе потряс револьвером.

* * *

Маленькое отступление для интересующихся ненормативной лексикой. Немало выражений воровского жаргона, которым и сто, и двести лет, дожили до наших дней. Так, в 1908 году в Петербурге вышла книга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы». Ее редактором и автором предисловия был известный русский ученый профессор Иван Бодуэн де Куртенэ. В этом исследовании, в частности, встречаем: мент, мусор – сыщик, маруха – любовница, бабки – деньги, рыжуха – золото, перо – нож, клевый – хороший, кича – тюрьма, шпаер – револьвер и тому подобные выражения, в известных социальных кругах употребляющиеся и ныне. Удивительная живучесть!

Подворотня

Как это всегда случалось в минуту наивысшей опасности, мысль Соколова заработала спокойно и четко. Взгляд его скользнул по панели. Красивая цветная реклама: «Карамель фруктовая С. Сиу и К

». Рядом – блестящая никелем ручка. И надпись: «Тормоз».

Трамвай уже приближался к роковому повороту.

«Угонщик явно не в себе, он не соображает, что сейчас мало живых останется в вагоне, да и пешеходы погибнуть могут. А вожатый перепугался до обморока, боится послушаться этого ненормального!» – так рассуждал Соколов.

Чукмандин вновь навел на сыщика револьвер, прошипел:

– Мой шпаер сейчас продырявит тебя, мент! – И бандит стал издевательски медленно жать курок.

Соколов вдруг метнулся к тормозу, рванул его. Вагон спасительно заскрежетал тормозами, затрясся, из-под колес полетели огненные брызги.

Пассажиры, издавая крики ужаса, повалились на пол. Кубарем полетел Чукмандин, но дважды успел нажать на курок. Одна пуля царапнула висок Соколова, оставив, впрочем, отметину, которую великий сыщик носил до конца жизни. Другая попала в потолок.

Убийца вылетел в дверь, грохнулся на мостовую, но тут же с кошачьей ловкостью вскочил на ноги и бросился наутек.

Соколов, чувствуя, что с каждым мгновением силы покидают его, закричал с трамвайной площадки:

– Городовой, держи!

И сразу подумалось: «У преступника в барабане одна пуля осталась».

Седовласый городской, родившийся еще при благословенном Николае Павловиче, в меру сил затрусил за Чукмандиным, при этом с необыкновенной силой раздувая щеки и дуя в полицейский свисток.

Чукмандин, казалось, уходил от погони. Он свернул в подворотню, оттуда дворами мог добраться до Рождественки, а там ищи-свищи!

Соколов, истекая кровью, из последних сил неся за ним. Голова кружилась, во рту – отвратительная сухость.

Последняя пуля

И вот Чукмандин бросился в арку Купеческого собрания. К счастью, высокие кованые ворота были закрыты на всякий замок. С ловкостью мартышки убийца полез наверх. При этом он не выпускал из руки «нансен».

– Далеко не уйдешь! – усмехнулся Соколов. Он выдернул из висевшей под мышкой кобуры полицейский «дрейзе» – мощный девятимиллиметровый револьвер. – Не убью, лишь нижнюю часть прострелю – живым нужен.

Когда Чукмандин уже перенес одну ногу через верхнюю часть ограды, а Соколов едва не спустил курок, из толпы, с робким любопытством наблюдавшей за кровавым поединком, выскочил какой-то мужичишка с пшеничными усами и словно выгоревшими белесыми бровями. Он отважно подпрыгнул и мертвой хваткой уцепился за ногу преступника.

– Ай да молодец! – закричал Соколов. И вдруг в мужичишке он узнал своего знакомого. Это был Ефрем Иванов, уже прошедший испытательный срок и ставший филером. Читатель, верно, помнит, как над ним пошутил Соколов, приказав под видом метательного снаряда отнести начальнику охраны Заварзину бутылку шато-лафита. – Держи его, Ефрем, не выпускай!

Тем временем Чукмандин, висая на заборе, остервенело дергал ногой, матерился, исторгал проклятия, грозился и, наконец, грохнулся – прямо на голову Ефрема.

С искаженным злобой лицом убийца наставил в грудь филера «нансен» и нажал курок...

Ефрем вскрикнул, сразу обмяк, повалился в пыль, глядя открытыми глазами в серую известку арки.

Подбежавший седовласый городской шашкой полоснул убийцу по голове – как это делал он при втором штурме Плевны 31 августа 1877 года, когда, «как капусту», крошил турок и за беспримерную отвагу был награжден солдатским Георгием.

Верхняя часть головы слетела с легкостью располованного арбуза: в руке у кавалеристов и боксеров сноровка остается до глубокой старости.

Подбежавший Соколов опустился на колени, приподнял голову Ефрема, заглянул в мутнеющий взор:

– Браток, ты жив? Отзовись...

Ефрем с трудом прошептал:

– Я, кажется, умер... Ваше пре-вос-хо... не оставьте де-ти-шек... Жалованье за сентябрь... в дере-вню... – Ефрем глубоко вздохнул и на полувздохе дернулся, навсегда замер.

Соколов поцеловал лоб героя. И сам, слабея, упал рядом.

Покуситель

К месту убийства со всех сторон многолюдной площади сбегались любопытные. В минуту собралась громадная толпа. Вперед выступила девица лет девятнадцати, удивительно стройная. Но главная особенность ее красоты заключалась в сочетании смуглого, восточного лица с крупными серо-зелеными глазами.

Девица непринужденно, но мягко сказала:

– Городовой, я слушательница медицинских курсов. Сейчас наложу раненому жгут. – И она сняла с себя шелковую косынку. – И пожалуйста, подгоните коляску.

Меднолицый страж порядка махнул рукой:

– Эй, лихач, быстр-ро сюда – графа Соколова отвезешь. – Зверски ошетилив усы, повернулся к толпе, воздел окровавленную шашку. – Р-разойдись! Не любопытничать, как р-рубану – пер-рья полетят!

Толпа в ужасе отхлынула. В те времена полицию трепетали.

Милая встреча

Едва девушка прикоснулась к Соколову, тот с восхищением произнес:

- Боже мой, истинно звезда Востока! За тугую повязку – спасибо. Ваши руки – волшебные, ясно чувствую – целительные. – Погрозил пальцем городовому:
- Ну, братец, ты ретив! Зачем башку подлецу срубил? Дохлый, много он скажет?
- Виноват, ваше превосходительство! Впредь исправлюсь, убивать насмерть себе не позволю.

Соколов ласково взглянул на девицу, но нарочито строго произнес:

- Без вас, сударыня, в больницу я не поеду. Лягу тут, на булыжную мостовую, и буду умирать – долго, мучительно, в судорогах.
- Граф Соколов... я сопровожу вас, – с чарующей простотой произнесла девица. – Извозчик, поезжайте в Мясницкую больницу. – Пояснила Соколову: – Там отличный хирург по фамилии Хрипун.

Соколов здоровой левой рукой, как пушинку, посадил спутницу в рессорную коляску. Коляска понеслась по оживленным улицам.

Приятная беседа

Быстрая езда, прекрасная погода, сознание того, что мог погибнуть, но Господь пока миловал, приятная соседка – все это настраивало Соколова на философские рассуждения.

– Посмотрите, сударыня, как прекрасны эти дымы, поднимающиеся из труб столбами в небо...

– Это к хорошей погоде.

– Как ярко блестит золото церковных куполов, как высоко взмывают к облакам стаи турманов, как легко и сладко на душе... Живи и наслаждайся! Ан нет, люди предпочитают стрелять, убивать, обманывать, грабить.

Девушка добавила:

– Им, преступникам, это кажется самым коротким путем к богатству и власти, а в богатстве и власти они видят свое счастье.

– На этом построены все революционные теории: мы, дескать, отберем у богатых землю, заводы, деньги и раздадим бедным. Те сразу, вмиг, станут богатыми. Все это – очевидное вранье.

Девушка согласно кивнула головой:

– На всех богатств не хватит, да и никто их делить не станет. Революционеры, коли дорвутся до власти, станут сами купаться в роскоши – ради этого они и расшатывают устои империи. Они твердят: «Жизнь коротка, надо успеть ухватить побольше...»

– Сударыня, вы меня удивляете. Вы не только прелесть как хороши собой, но и умны весьма. Кто вы?

– Меня зовут Юлия Хайрулина, я дочь командира сводно-гвардейского батальона лейб-гвардейского Преображенского полка, флигель-адъютанта...

– Как же, отлично знаю вашего батюшку-полковника, доблестный казак из свиты его императорского величества. Скажите ему мой привет, – улыбнулся Соколов.

– Сделаю это уже завтра, ибо нынче вечером отправляюсь домой в Петербург. – Извозчику: – Вот, приехали. Подкатите к приемному покою.

...Собеседники не ведали, что придет день и они станут участниками события, которое потрясет всю империю.

Чудо природы

Не прошло и десяти минут, как догола раздетый Соколов всей горой своих мышц возлег на операционный стол.

Рану зашили. Сыщик перенес операцию с редким хладнокровием. Ни одна мышца на его мужественном лице ни разу не дрогнула. Молоденький ассистент пожелал переложить Соколова на каталку, дабы доставить в палату.

Соколов не рассчитал и здоровой рукой так неосторожно отодвинул ассистента, что тот грохнулся на застекленный шкаф с инструментарием. На пол полетели и ассистент, и шкаф, и инструментарий.

На грохот из коридора прибежали две молодые медички. Увидев графа во всей обнаженной красоте, восхищенно вскрикнули:

– Невероятно!

– Давайте простыню! – Соколов обернул свои чресла, отчего стал похож на римского цезаря.

Знаменитый Хрипун – высоченный красавец, с глазами, искрящимися умом и доброжелательностью, врачебными услугами которого пользовались даже великие князья, – с трудом сдерживал улыбку. Вежливо осведомился:

– Как самочувствие, Аполлинарий Николаевич?

– Алексей Иванович, вопреки усилиям светил медицины, временно остался жив! – И так добродушно расхохотался, что умный профессор на смелую шутку не обиделся.

Враг насилия

Оказавшись в палате, Соколов обвел ее взглядом: низкая металлическая кровать с толстенным волосяным матрасом, рядом – изящный инкрустированный столик, венский стул на гнутых ножках, небольшая козетка, обитая штофом. В высокое итальянское окно заглядывал запущенный сад – с пересохшим фонтаном, листьями на гравиевых дорожках, с клумбами, – больничный флигель, почерневший от солнца и дождей дровяной сарай с высоченными штабелями дров и приставленной к стене лестницей.

И тут же в дверь постучали. В палату робко заглянул санитар:

– К вам, ваше превосходительство, гости. Позволите допустить?

Гостями оказались зареванная супруга Мари, молодцеватый полковник Заварзин, изящный, с набриолиненным коком Сильвестр.

Сильвестр поставил на столик корзину с фруктами, сверху украшенную двумя бутылками кагора.

– Скорее поправляйтесь, дорогой Аполлинарий Николаевич! Империя страждет от врагов, а вы – могучий ее защитник.

Соколов радостно обнял гостей одной ручищей, но от души.

– Чтоб собраться в такой компании, можно еще разок с кем-нибудь постреляться.

– Милый, вам не очень больно? – Мари прильнула к мужу. Ее смородиновые блестящие глаза глядели с невыразимой нежностью. – Ваше здоровье не пострадает?

– Если нынче же сбегу из этой юдоли скорби, то стану здоровее прежнего. – Соколов выглянул в окно. – Второй этаж – пустяки. Вот профессор Хрипун уйдет, и я – тю-тю.

В этот момент появился сам Хрипун. Он укоризненно покачал головой:

– День-два вам, Аполлинарий Николаевич, непременно следует побыть у нас. А вот эту штуковину, – он протянул «дрейзе», – графиня, пожалуйста, отнесите домой.

– Его место – под подушкой, у меня от него сны легкие, – сказал Соколов.

– Нет-с, у нас не стрельбище – иное учреждение. – Профессор Хрипун с высоты своего хорошего роста строго глянул на гостей: – Побудьте еще десять минут, а потом извольте пациента оставить в покое.

Страшный гость

Вскоре санитар безжалостно выпроводил визитеров. Но вечером, когда больница затихла, графиня вернулась к мужу: дежурный врач, большой почитатель гения сыска, позволил Мари остаться до утра: «Участие близкого человека – лучшее лекарство!»

Соколов держал в своей ручище изящные кисти супруги. Он успел после ухода гостей вздремнуть, и теперь ему было приятно-радостно беседовать с любимой. Незаметно бежало время. На город опустилась ночь. В раскрытое окно вливалась сладковатая прохлада, волшебным струился фосфорный свет луны. Царила безмятежная тишина, даже птицы в саду смолкли.

Вдруг Мари, прилегшая рядом с мужем, привстала, настороженно прислушиваясь, прошептала:

– Под окном кто-то ходит!

Соколов сел на кровати, чутко улавливая звуки. И вот совершенно отчетливо раздался легкий стук, какой бывает, когда стремянку ставят к стене, чье-то приглушенное учащенное дыхание.

Граф здоровой рукой притянул Мари к себе, спрятал и укрыл ее за тяжелой оконной шторой. Сам мгновенно соорудил на кровати подобие спящего человека

и отпрянул к стене.

В это мгновение в проеме окна показалась ужасная голова. Была она ужасной потому, что на нее была натянута черная маска с прорезью для глаз, на руках – перчатки.

Злодей осторожно спустился на пол. Крадущейся походкой направился к неясно видимой в скудном лунном свете кровати. Мари со страхом прижалась к плечу мужа.

Соколов все эти мгновения напряженно думал: «Как взять покусителя? Опрокинуть ударом ноги сзади? Оглушить ударом кулака? Но в темноте легко промахнуться... Нет, плохо полицейскому, коли он с одной рукой да без револьвера...»

Тем временем злодей выдернул из-за пояса нож. Двумя руками он занес его за голову и, издав короткий звук «кх!», вонзил по самую рукоять... в волосяной матрас.

Соколов насмешливо произнес:

– Эй, дядя, задери лапы вверх! Шевельнешься – пулю схлопочешь.

Голос заставил покусителя вздрогнуть. На время он замер. Но вместо того чтобы подчиниться команде, вдруг метнулся к двери.

Когда Соколов выскочил в коридор, покусителя след простыл.

Гений сыска вернулся в палату, зажег электрический свет. Там, где только что стоял покуситель, темнела лужица.

– О-хо-хо! – Соколов начал дико хохотать. – Убийца со страху налил. – Наконец, устало отдуваясь, гений сыска плюхнулся на изящную козетку.

Та с оглушительным треском развалилась под его атлетическим телом. Мари, несказанно счастливая, что опасность миновала, бросилась поднимать с пола мужа.

Двойное дно

– Однако, горячие у нас денечки! Ежедневно или свежий труп, или очередная загадка. – Так говорил Соколов своей супруге, поджидая вызванных им сыщиков.

Увы, гений сыска еще не знал, что бурно начинающийся день принесет очередной ошеломляющий сюрприз.

Дом ужасов

Солнце не успело подняться над крышами, как первый посетитель вырос на пороге – начальник охранного отделения Заварзин. Выслушав рассказ приятеля, счастливо улыбнулся:

– Ах, как хорошо! Какой ты герой, я восхищаюсь тобой, Аполлинарий Николаевич. А я вчера допоздна рылся в картотеке, пытался найти, кто на дело ходит в перчатках. Никого! Еще не знают об отпечатках пальцев или не верят в идентификацию. А покуситель, говоришь, того... со страху в порты напустил? Ха-ха!

В коридоре слышались шаги. Это фон Менгден, сухопарый, вышагивал как журавль. За ним извозчик тащил треногу, а Сильвестр – фотокамеру.

Появился и профессор Хрипун. Виновато взглянул на сыщика:

– Граф, как я был не прав, когда отобрал у вас револьвер! Теперь хоть мортиру вкатите – ни слова не возражу!

– Нет, Алексей Иванович, нынче же я отправляюсь восвояси, – проворчал Соколов. – У вас здесь какой-то дом ужасов. Мало того что холодным оружием по ночам казенный инвентарь портят, убийцы еще на пол мочатся.

Хрипун замахал руками:

– Категорически протестую: домой нельзя, вам надо еще побыть в больнице. – И легкой походкой удалился прочь.

Загадка

Сильвестр печально покачал головой:

– Кто-то вас точно выслеживает, Аполлинарий Николаевич. Вам надо быть осторожней. Охрану, может, выставить?

– Можно. Но лучше выловить и уничтожить врагов, – вставил Заварзин.

Соколов нетерпеливо спросил:

– Какие новости? Клавку – живую или мертвую – отыскали? У Чукмандина обыск сделали?

Сильвестр горячо возразил:

– Первое: Клавы нигде нет! Второе: у Чукмандина вчера все перерыли – и в мастерской, и в его комнатухе. Он, знаете, живет прямо в магазине, в мансарде. Владелец магазина Киров ему закуток выделил. Ни-че-го! То есть любопытного ничего.

– В сейф влезли?

– Нет-с, пока ключей найти не можем. Спрятал, лиходеи, куда-то.

– Ну, справимся с этим. Вопрос прежний: почему слесарь бежал от меня? Какой тяжкий грех за собой ведал? Ишь, стрельбу открыл. Эх, видно, что-то я не так делал.

Заварзин умиротворенно заговорил:

– Я, дорогой Аполлинарий Николаевич, тщательно проанализировал твои действия и твердо заявляю: в сложившейся обстановке ты не допустил ни одной ошибки. Кстати, и Кошко в восторге от твоего очередного подвига – звонил, завтра зайдет к тебе.

– Думаю, не успеет, – туманно сказал Соколов.

Козни врагов

Тем временем фон Менгден закончил фотосъемки, сделал гипсовые оттиски следов ног покусителя – на рыхлой почве под окном они были четкими.

Пришел санитар. Смущаясь своей власти, сказал:

– Прошу прощения, господа. Сейчас врачебный обход. Всем надо уйти.

– Правильно, – вдруг поддержал санитар Соколов. – Это не дело, мешать пациенту болеть. – Посмотрел на супругу. – Мари, Буня уехал в Мытищи?

– Думаю, нет! Сегодня он собирается навестить вас, ежели позволите.

* * *

Гости вышли во двор. Сыщиков поджидала коляска. Заварзин любезно подставил руку:

– Садитесь, графиня, мы вас... – И он осекся на слове.

Из полукруглой арки, ведущей в больничный сад, появился... граф Соколов – с широкой белозубой улыбкой и рукой на перевязи, одетый лишь в больничный халат, который плохо сходил на его груди, широкой, как просторы империи.

– Не пойму, – покачал головой Заварзин, – ты из окна выпрыгнул?

– Надо жить так, чтобы даже козни врагов шли нам на пользу. Покуситель притащил к окну лестницу, которая прежде стояла у дровяника. Я ей и воспользовался, – веселым голосом сказал Соколов. – Извозчик, гони лошадей! Через площадь, вон мой дом – с вывеской фирмы Эйнема. Переоденусь и приглашаю всех посетить бывшие хоромы новопреставленного Чукмандина. А поскольку надо вскрывать сейф, без народного умельца Буни Бронштейна нам не обойтись. – И со значением произнес: – Не бывает так, чтобы невиновный бежал от полиции, да еще со стрельбой.

– Может, он напугался вашего грозного вида? – наивно предположил Сильвестр.

Заварзин ловко перевел вопрос на шутку:

– Прежде от взгляда преступники в обморок валялись, теперь от голоса порты себе пачкают.

Все весело рассмеялись.

Добавим, что уже через день-другой Соколов, заядлый собиратель книжных редкостей, вновь появился в больнице на Мясницкой. Он отыскал профессора Хрипуна и, приняв смиренную позу, сказал:

– Алексей Иванович, простите беспокойного пациента! Чтобы несколько загладить свою вину, передаю вам редчайшую книгу. Это труд великого Николая Ивановича Пирогова «Начала общей военно-полевой хирургии», она вышла небольшим тиражом в 1866 году в Дрездене.

Хрипун благодарно пожал руку пациенту:

– Ценю вашу жертву! Ибо для страстного библиофила расстаться с редкостью все равно что вырезать без наркоза аппендикс.

И оба весело рассмеялись.

Сильные ощущения

Не прошло и часа, как сыщики и Буня – специалист «по железу» – подъезжали на двух колясках к магазину Кирова. У входа стояла густая толпа. Приказчик, не замечая коляску, размахивал руками и увещевал публику:

– Спокойно, господа, не прите! Ну никакой возможности от вас нет. Платите, и все сумеете осмотреть место преступления. Куда ты, малец, бесплатно лезешь? Гони пяточок и смотри, как знаменитый граф Соколов стену головой разворотил. На чем нынче держимся – святым угодникам лишь ведомо. Готовьте, господа любопытствующие, деньги: взрослые десять копеек, а с детей – вдвое дешевле, грудных младенцев и вовсе бесплатно...

Те, кто успел заплатить и посмотреть, восторгались:

– Зрелище самое ужасное! Что тебе из пушки пальнули – полстены обвалившись, дом, гляди, того... рухнет. Я уж две очереди отстоял. Завтра опять приду спозаранку.

Два крепких мужика купеческого вида выходили потрясенные:

– Этот Соколов не человек – Левиафан свирепый! Пойдем, Вась, после такого сотрясения чувств выпьем в полный серьез.

Меднолицый городской, некогда штурмовавший Плевну, а потом срубивший голову Чукмандину, заметив начальство, заорал:

– Раз-зойдись! Сам граф Соколов пр-рибыли.

Приятная находка

Буня презрительно постучал ногтем по стальной крышке:

– Арнгейм? Если это сейф, то я – египетский фараон. Такое могут делать лишь в уездном городе Моршанске. И ставить такое прилично только в бане – прятать мочалки. Подобную кассу я брал раз пять. Или десять. Брал у Альфреда Пекгольца в Слуцке, у Винницкого в Варшаве, у Людвига Нобеля в Петербурге... Боже мой, где я еще брал? – Буня поскреб пальцем в затылке. – Что обо мне вы теперь подумали? Подумали, что я хвастаю. И вы не знаете, что с годами голова делается как мочевого пузыря: держит, но не все, кое-чего упускает, а это неприятно.

– Буня, работай!

– Я могу из презрения сделать это дамской шпилькой, но у меня нет ни дамы, ни шпильки. Поэтому достану щебенный катер. – И Буня выпростал из-под рубахи всегда висевшую там стальную трехлопастную вилку. Посмотрел на Соколова: – Считайте семь раз по сорок! И я подарю вам, Аполлинарий Николаевич, эту кассу.

Буня засопел возле замка. Вскоре тяжеленная дверца медленно открылась. В сейфе стоял новый фибровый чемоданчик. Буня напрягся, вытащил его, с грохотом опустил на стол:

– Очень тяжелый, словно там спрятан голд! – И открыл кривым мизинцем замок. Когда откинул крышку, то щеки старого еврея запылали, руки затряслись, а взор стал пламенным, как у юноши, который впервые видит обнаженную возлюбленную.

– Боже, такого красивого инструмента даже не было у меня! А моему инструменту завидовали все шниферы Европы. Уверяю вам, с этим чемоданчиком можно не краснеть и красиво работать.

Соколов увидал блестящие первосортной сталью пилы, большие и малые крючки, набор ключей, уистити – специальные щипцы для захвата ключей в замочной скважине, воск для слепка с замочных скважин, буравы, маленький топорик, острозаточенные гвозди, напильники, клещи – все в отдельных ячейках, все аккуратное.

Буня вздохнул.

– Прогресс далеко ушел вперед меня. С таким инструментом можно взять любой сейф. – Он опять заглянул в стальное нутро шкафа, повертел головой и удивленно присвистнул: – Фьюить, тут еще кое-что! Мне сердце говорит, мы с этого будем наслаждаться.

– Что такое?

– Глядите здесь! Это если бы человеку пришили третью ногу, то он и тогда не выглядел бы смешней. Под верхним отделением – вот тут! – привернут шурупами лист металла. – Буня постучал по верхней крышке пальцем – раздался глухой звук. – Уверяю вас, что здесь что-то положено. Все умные люди ищут внизу, а если вверху – лень посмотреть. Так что этой хитрости вы теперь знаете. Фертиг!

* * *

Когда потайная крышка была снята, оттуда посыпались бумаги, перевязанные бечевкой. Соколов стал рассматривать находку. Это были акции Товарищества нефтяного производства Лианозова сыновей, акции Общества восточносибирских чугуноплавильных, железоделательных и механических заводов, а еще – колоссальная сумма наличными – двести десять тысяч рублей крупными купюрами.

Заварзин взглянул на номера бумаг, удовлетворенно хмыкнул:

– Это похищенные сокровища Шапиро. Стало быть, Чукмандин причастен к ограблению Сибирского банка.

Щедрость богатых

– У хозяина телефон есть? – Соколов схватил за шиворот вертевшегося под ногами приказчика. – Веди в его кабинет.

Соколов сказал в трубку:

– Барышня, соедините с начальником сыскной полиции Кошко, номер одиннадцать. Аркадий Францевич, скажи-ка, когда твои гаврики работать начнут? Работают? А похищенные сотни тысяч у банкира Шапиро отыскали? То-то! А мой Буня Бронштейн нашел. Обрадуй буржуя, мы тут выгребли из сейфа кое-чего, ценные бумаги по номерам совпадают с похищенными. Пусть сейчас же звонит мне, я в магазине Кирова на Мясницкой, дом номер два.

Через минуту задребезжал аппарат. Соколов снял трубку:

– Поздравляю, Исаак Сергеевич, обнаружили часть похищенного. Прошу пожертвовать семье убитого филера Ефрема Иванова три тысячи и возместить убыток извозчику триста рублей. Я гнался на его коляске за преступником, и тот подстрелил лошадь. – Соколов замер, услышав ответ банкира. Потом зловеще пошевелил усами и жестко сказал: – Шапиро, я тебя правильно понял: когда-де все найдем, тогда ты от щедрот своих выделишь семье убитого пятьсот рублей? А за лошадку, павшую от злодейской руки, пусть платит полиция? Шапиро, человек ты нерасчетливый. Теперь слушай: чтоб через сорок пять минут, – Соколов посмотрел на часы, – ты привез для семьи убитого десять тысяч и приобрел для извозчика новую коляску и трех рысаков. Что касается моей простреленной руки, то нынче же переведи еще десять тысяч рублей в Голицынский приют на Новой Басманной – детям на леденцы. Иначе, любезный, все, что твое найдем, сдадим в казну как бесхозное. Уразумел? С нетерпением жду.

* * *

Через полчаса прилетел тяжело дышавший, обливавшийся потом Шапиро. Он блестел крупными маслянистыми глазами и обширной лысиной, с толстой золотой цепью на жилетке и крупным бриллиантом на пальце. Положил на стол вместительный пакет:

– Вознаграждение, как приказывали, Аполлинарий Николаевич!

Блудница

Удачно проведя обыск в мастерской Чукмандина, Соколов в самом добром расположении духа, прихватив товарищей, отправился обедать в трактир Егорова.

Трактирная музыка

Выпили прозрачной шустовской, закусили малосольной селедкой с горячим картофелем. На душе стало совсем уютно.

– Признаюсь, – говорил Соколов, цепляя на вилку крепкую шляпку соленого белого гриба, – уголовники – это безвинные ягнята в сравнении с политическими злодеями. Эти гораздо коварней, изворотливей, беспощадней. – Соколов вдруг выпрямился во весь гигантский рост, громовым, то есть своим обычным, голосом сказал так, что весь зал, который был заполнен знаменитыми адвокатами, писателями, актерами, чинами полиции, фабрикантами, вмиг притих: – Господа! В канун трехсотлетия рода Романовых выпьем за одоление всех врагов великой Отчизны, за здоровье государя-батюшки и его августейшей семьи, за процветание великой и неделимой России! – Гений сыска здоровой левой рукой опрокинул в себя водку.

Дружное «ура!» весело прокатилось под низкими сводами, вырвалось из открытых окон наружу. Оркестр балалаечников тут же отозвался гимном «Боже, царя храни!». Пели все, кто гулял в зале: басы, фальцеты, голоса простуженные и могучие, бравшие ноту чисто и фальшивившие.

После гимна поднялся с бокалом шампанского знаменитый юрист и член государственного совета Анатолий Кони. Провозгласил:

– Пьем за героя дня, ставшего легендой при жизни, – бесстрашного графа Соколова!

– Виват! Слава графу!

Балалаечники проявили уважение к пострадавшему от злодейских рук гению сыска – заиграли его любимую увертюру к «Лоэнгрину» Рихарда Вагнера.

Соколову было хорошо. И не ведал он, какую страшную находку ему предстоит сделать совсем скоро.

В дорогу!

Когда принесли борщ с пирожками, Соколов обратился с Заварзину:

– Ну что, дорогой Павел Павлович, есть какие-нибудь новости относительно смерти Хорька?

Заварзин без особого энтузиазма стал говорить о необычной сложности дела, о том, что разоблачение Чукмандина поможет «распутать клубок».

– А Клавка где?

Заварзин неопределенно причмокнул губами. Прожевав добрый кусок баранины, стал рассказывать тем сытым голосом, который появляется у мужчин, хорошо выпивших и закусивших:

– К заведению мадам Карской наш Сильвестр, кажется, дорожку протоптал, со всеми познакомился, со всеми поговорил, но результатов ощутимых нет.

– Клавку подруги все-таки любили, – сказал Сильвестр. – Многие уверены, что Клавка, убив Хорька, пустилась в бега с одним из своих любовников.

Соколов решительно произнес:

– Говорят, женское сердце – загадка! Женщина сама порой не знает, какое коленце выкинет через пять минут. Но распутаем нынешнее дело, сделаем обязательно, и все тайное станет ясно и понятно.

Сильвестр согласно мотал головой.

Собачья тоска

Шел четвертый день расследования, но Соколову казалось, что прошла вечность – столько событий случилось. Ранним утром, когда солнце едва встало над крышами домов, Соколов вновь направился в Большой Златоустинский переулок. Дворник в очках старательно подметал мостовую, убирая на большой деревянный совок лошадиные лепешки.

– Что слышно, Прохор Андреев? – спросил Соколов.

– Да вот про убитого жильца сверху разговор идет, что, дескать, полиция ослабла и злодеев изловить не умеет.

– А какие у тебя, Прохор, отношения с рыжей Клавкой были?

Дворник чуть не выронил совок, укоризненно пробормотал:

– Истинный крест, никаких отношений не позволял. У меня жена венчанная, как же можно с какой-то шлюхой? – Почесал за ухом. – Правда, с тазиком помог ей. Она из заведения косточки для Трезорки приносила, а меня насчет миски – кости класть – спросила. Ну, я старый таз и дал, все равно под лестницей ржавел без дела.

– Это что такое – Трезорка?

– Извольте быть известным, что наш сосед Федькин – вот его деревянный дом – на Масленицу насчет блинов не рассчитал и обкушался. Наследник его – Федькин сын – поехал развлечениями наслаждаться за границу, капиталами трясти. Мне десятку платит в месяц, а я за всем его добром доглядываю. А в ихнем зимнем сарайчике пес живет. Клавка животных жалеет, особенно собак. Стала из своего заведения еду для Трезорки носить, тот ее как мать родную любит.

– Да и тебе забот меньше!

– Обязательно! Так я Клавке ключ от сарая и дал. Она каждый раз еду в таз кладет. Как к себе домой ходит. – Дворник поднял палец. – Во, слышите – воеет

Трезорка. Жрать, поди, хочет. Клавка дня три-четыре не ходит. – Спыхватился: – А чего ей теперь ходить, когда хахаль ейный на кладбище лежит? Ай, беда, теперь самому кормить придется.

– Пойдем посмотрим, чего животное скучает.

Находка

Они пересекли двор, оказались возле древнего сарая, сложенного из почерневших, потрескавшихся от времени толстенных кругляков. На дверях висел тяжеленный амбарный замок.

– Эх, – сокрушенно вздохнул дворник, – Клавка с собой ключ унесла. Как же я попаду? Да и собачка с голоду сдохнет...

Соколов заглянул в щель, и лицо его вдруг сделалось каменным.

– Придется открыть! – сказал сыщик. Он уцепил ручищей замок, на мгновение замер и вдруг с такой силой рванул его, что полетели в разные стороны болты и щепки. Замок вместе с петлями оказался в руках у Соколова.

В тугих лучах свежего утреннего солнца, пробивавшегося сквозь обветшалую крышу, сыщик увидал обычный хозяйственный инвентарь: старые, с потрескавшейся кожей хомуты, мешки, прогрызенные во многих местах мышами, фонарь с недогоревшей свечой и прочую рухлядь.

Посреди сарая, возле розвальней, задрав отощавшую морду к небесам, с жуткими переливами выл лохматый, похожий на отощавшего медвежонка пес.

Возле розвальней на коленях стояла женщина. Длинные рыжие волосы прикрывали лицо. Подол платья был задран, непристойно обнажая зад.

Губы дворника задрожали, он с ужасом прошептал:

– Это Клавка! На шее, гляньте, закрутка из провода электрического. Голова еле держится – жутко! А позитурка ейная какая-то постыдная. Словно блудным делом собралась заняться.

– Похоже, так и было.

...Не минуло и часа, как на месте преступления была следственная группа. Покойная прижимала к груди женскую сумочку. Среди прочего Соколов в сумочке обнаружил готовую к отправлению бандероль. На конверте печатными буквами, выдававшими руку Хорька, было написано: «Саратов, Полтавская площадь, зубному врачу г-ну Бренеру Игнатию Семеновичу». Соколов вскрыл бандероль и расплылся в широкой улыбке.

– Покойничек-то, оказывается, увлекался народным творчеством! Глядите, эта тощая книжулька – «Деревенские песни и частушки» – печатана петербургской типографией «Правда» в десятом году. – Сыщик внимательно взглянул на страницы, потом на просвет, значительно произнес: – Возле некоторых букв иголкой сделаны проколы – старый тюремный способ секретной переписки. – Кивнул фон Менгдену: – Пиши, Иван Иванович. – И начал называть буквы.

Через несколько минут Соколов взял в руки листок, исписанный жестким продолговатым почерком: «Жди обыска. В четверг встречай Слесаря – привезет деньги и установит в сейфе двойное дно. Хорек».

Соколов обвел сияющим взглядом сотрудников:

– Каков фрукт! Нам сделал донос на Бренера, но тут же стал зарабатывать очки перед собратьями по партии.

– Ясно, что сам не пожелал на почте мелькать, чтоб случайно не попасться на глаза нашим людям, – поддакнул Заварзин.

* * *

Клавдию хоронили золотым осенним денечком на Алексеевском кладбище. Могилу выкопали на холме, что с востока, недалеко от храма. Народу у гроба собралось мало: несколько зареванных девиц, сама мадам Карская, всячески

выставлявшая напоказ свои переживания, Соколов, Заварзин, Сильвестр.

Могильщики работали споро. Скоро вырос песчаный холмик – все, что осталось от той, что еще недавно смеялась, ходила, грешила, блистала красотой.

– Ясно одно: эту несчастную задавила та же рука, что и Хорька. Тем же проводом, тем же способом – прямо ритуальное убийство, – печально рассуждал Соколов, возвращаясь с товарищами по узкой кладбищенской дорожке.

Шедший с понурым видом Сильвестр кусал себе ногти и негодующе говорил:

– До какой же степени надо опуститься – столь жестоко убить женщину... Что касается личности убийцы, то уверен – его следует искать среди электриков. Давно замечено: орудия преступления слишком часто связаны с профессиональной деятельностью. Какой выжига!

– Все может быть, – согласно кивнул головой Соколов. И повторил: – Убийца от меня далеко не уйдет.

Воры

Обычно граф Соколов спал тем глубоким, беспробудным сном, какому предаются лишь младенцы да люди с незамутненной совестью. Но теперь это блаженное состояние было нарушено. Всю ночь в голову лезли мысли и догадки: кто является виновником убийств, где он прячется, что еще замыслил?

Вдруг необычно рано зазвонил телефон. Соколов услышал взволнованный голос Сильвестра:

– Аполлинарий Николаевич, я выявил свидетелей грабежа банка Шапиро. И мне теперь известен убийца...

– Ты где? – Голос Соколова звучал ровно, ничем не выдавая волнения.

– Как – где? На Тверском бульваре, двадцать два, в охранке! Полковнику Заварзину я уже доложил, скорее приезжайте!

...Через три минуты гений сыска выходил из своего подъезда.

Ночная прогулка

Свидетели сидели в маленькой прокуренной комнатухе на первом этаже, от входа слева, там, где в непогоду обычно дожидались извозчики своих начальственных седоков. Это была супружеская пара. Бабешка довольно смазливой вида, округлая, румяная, с необыкновенно развитой грудью, ширококостная, мясистая, с черными блестящими глазами под густыми сросшимися бровями.

Муж ее, напротив, был весьма тщедушным, узкоплечим, с болезненным румянцем, чахоточного вида. Он нервно поглаживал жидкую русую бороденку. Бегающие голубые глазки то и дело потуплял в пол, словно стеснялся смотреть на собеседников.

Заварзин, живший неподалеку – на Трубной площади, уже прибыл на службу. Он тихо сидел в дальнем углу, поглядывая, как ведет допрос Сильвестр.

Тот, завидя Соколова, высоким голосом неестественно-торжественно крикнул:

– Встать! – и сам нарочито быстро поднялся, вытянулся в струнку, доложил: – Ваше превосходительство, мещане Пузановы дают свидетельские показания по делу государственной важности.

Вся эта наигранная сценка произвела на Пузановых сильное впечатление. Мужичок побледнел до обморочного состояния, а супруга его, наоборот, приятно возбудилась, бойко затрещала масляным голосом, обращаясь исключительно к Соколову:

– Ваше превосходительство, мы, Пузановы, живем в казенной квартире в Гавриковом переулке в Московской хлебной бирже. Вот мой Васька – дворником,

а я – по домашней части.

– Ты, Матрена, дело говори, не отвлекайся, – строго произнес Сильвестр.

Бабешка, не обращая на эту реплику ни малейшего внимания, веселым тоном, словно сообщала какую-то радостную весть, продолжала:

– В тот вечер мы были у крестной в Сокольниках, рождение ее праздновали, малость хорошо погуляли, домой возвращались пешочком. Идем, значит, себе, кругом тишина, потому как час поздний, в окошках света почти незаметно. Только фонарики светят. Вдруг возле дома Шапиро, где банк, прямо страсть жуткая – нос к носу с дяденькой столкнулись. Народу непутного нынче много развелось, особенно по ночам шастающих. Мы, поди, так и прошли бы, да дяденька этот как-то заелозил, свистать начал громко, словно музыку какую, вот так, к примеру: фьють-фьють-фьють! А сам на месте вертится, никуда не уходит, руки в карманы положил. Я на второй этаж глянула, а там окно раскрыто, а сверху веревка болтается, знать, к трубе привязали и в окно спустились, а там – Шапиров банк. Вот истинный крест, я сразу смекнула: «Не иначе как ехидство воровское удумали!»

Мы уже к бирже подошли, я Ваську толкаю, говорю в ухо: «Данилыч, по каким делам дяденька возле шапировского дома в сей поздний час обретается? Послушай, Данилыч, моего бабьего разуму: сбегай к городовому, так, мол, и так, разобрать тут следует!»

Соколов не перебивал, с интересом слушал. Сильвестр торопливо скрипел пером по бумаге, Васька сидел понурый, не подымая взора.

Бабешка перешла на заговорщицкий тон:

– А мой обалдуй отвечает: мы, дескать, в этом деле не причинны и вникать, дескать, в него не след. А то стрельнут в нас из револьвера или городской обругает: чего, мол, бегаешь, по городу кляузы распускаешь, а? Мы калитку в воротах своим ключом отомкнули, вошли и тут притаились. До шапировского дома рукой подать...

– Саженой тридцать, – встрял в разговор Василий.

– И, говорю, фонарь там высокий – ярко светит. И все видать, как на руке. Дяденька вновь покрутил головой в разные стороны и теперь как-то по-особому присвистнул – си-си-си. Вдруг все во мне обмерло. Гляжу, глазам не верю: из окна другой мужчина показался. Уцепился за веревку и по ней враз спустился.

– А в руках у него баул, – быстро вставил Василий. – Не выпускает.

– Матушки мои! – Матрена всплеснула руками. – Поняла: это натуральный грабеж. А свет прямо в их личности светит. Мне как фото показали, я их без сомнений признала.

Соколов перевел взгляд на стол. Там лежали фотографии Чукмандина и Хорька. Он спросил:

– И кто из этих двоих из окна вылез?

– Да вот этот, с длинным носом. – И Матрена уверенно указала на Чукмандина. – Вот с ним-то у меня история вышла.

– История? Какая же?

– Да как эти лиходеи стали уходить, я за рукав своего дуралея дергаю: мол, Вась, дунь хоть в свисток! Городовой прибежит, мы на жуликов навалимся и одолеем их. Нам деньжат в награду дадут.

– Заробел я, ваше превосходительство! Думаю: а что, коли на месте прибьют? – вздохнул Василий.

– Эх, Вась, ты у меня насчет выпить – орел, а где себя явить – полные штаны навалял. Тогда я подняла камень да вдогонку за ворьем. Настигла, ору: «Стой, насмерть зашибу!» Тот, что с баулом был, шипит, словно змеей подколотый: «Чего, такая-сякая, шумишь? Пошла отседова, пока мы тебя на двоих не раскатали!» Ух, взъярилась тут я, прямо самой вспоминать жутко. Как хрястну камнем охальника. Хотела в ухо, да попала в плечо. Он вскрикнул, баул выронил и меня чем-то саданул в плечо. Крови нет, а рука как плеть повисла – левая. Синяк громадный. Показать? Только пусть эти выйдут, платье снимать придется. Да, осерчала я, руками разорвала бы его, паразита. А он на меня револьвер

наставил, зубы стиснул: «Стрельну!» Пока я в себя приходила, тати ночные как припустятся – через железную дорогу. Я им вдогонку свистнула – вот так! – Матрена вставила в рот два пальца, и благопристойную тишину охраны резанул разбойничий свист. – Сбежали-таки лихоимцы! И баульчик не бросили, за собой потащили, а в нем, понимаю, деньжищи набиты.

Нокаут

Соколов уже с явным уважением взглянул на Матрену:

– А дальше что?

– Взяла своего Анику-воина под мышки и потащила на угол, к полосатой будке. В ней наш знакомый городской Матвеев так храпит, что в соседнем доме собаки ему подвывают, а жильцы просыпаются. – Матрена локтем толкнула супруга: – Ну, колода, доложи их превосходительству, чего следовало дальше.

– Да не было ничаво! Я разбудил их благородие городского, доложил про непорядок, а он заметно выпивши пребывал. Взял да в гузно сапогом меня пнул, ну, я на булыжную мостовую и покатился. И еще лежачему хотел добавить, спасибо, Мотя выручила.

– И впрямь выручила? – широко улыбнулся Соколов.

Матрена перекрестилась:

– Мой грех, ваше превосходительство! Вижу, наших бьют. Тогда я подскочила к городскому Матвееву да как звездану в глаз. Так он и рухнул без всякого движения. Очень боялась, две ночи слабо спала: а ну как за повреждение власти арестуют? Да вроде ничего, обошлось.

Василий решил пожаловаться Соколову:

– Одно название – баба, а дерется что квартальный надзиратель. Когда утром стало известно об миллионе, что эти двое у Шапиры уволокли, так Мотя меня по

морде мочалила, мочалила: чаво, говорит, дурак, в свисток не свистел? А в полицию уже боялись идти, ведь чего нам припишут! Так и помалкивали, пока их благородие сами нас не отыскиали.

Матрена вздохнула:

– Эх, ваше превосходительство, я себя казню. Никогда не надо русской бабе на мужиков надеяться – от них одна лихоманка да пьянство, самой следовало хватать воров. Глядишь, скрутила бы и премию от Шапиры заслужила. Я бы развернулась, портерную лавку открыла.

Василий малость приободрился:

– Коли опять случай выйдет, непременно свистеть буду...

Матрена с материнской нежностью погладила русую голову мужа:

– Ваше превосходительство, вы на Ваську внимания не обращайтесь. Он простой у меня, незамысловатый. Дурак, прости господи.

Педагогика

Уже через час, стараясь сдерживать дыхание, что не мешало распространять вокруг себя запах тяжелого перегара, выпячивая обильное чрево, перед Соколовым стыл в смертельном страхе городской Матвеев. Под левым глазом красовался фингал, успевший приобрести зеленоватый оттенок.

До полного пенсионера Матвееву оставалось всего полгода. Теперь же, размышляя о трагедии собственной жизни, Матвеев твердо решил: «Коли со службы попрут, напишу записку: „Никого не винить!“, а сам под паровоз брошусь». Себя, любимого, было так жалко, что на очи накатывались слезы.

– Матвеев, к тебе дворник Пузанов на прошлой неделе обращался в ночное время?

Городовой обвел дворника налитыми кровью глазами, издал звук, похожий на тот, что бывает у кипящего чайника, и выдавил:

– Так точно, может, и обращался, ваше превосходительство...

Соколов посмотрел на сидевшего в углу Пузанова:

– Ты, Василий Данилыч, что сказал в тот раз городовому?

– Я доложил... Матвееву, что, дескать, две воровские фигуры... того... потащились... через железку, а баул с ними.

– А городовой что?

– Да ничего... Сапогом вмазал... того... по усесту, то бишь по сахарнице... а более ничего.

Неожиданно городовой повалился в ноги к Соколову, зарыдал:

– Воля ваша, виноват... Малость выпивши приключился... Служба собачья! Не погубите, ваше превосходительство, господин Соколов! Сон кого хошь сломит.

Соколов, уже хотевший отправить донесение о должностном преступлении городового, смягчился. Приказал:

– На ноги – встать! Кру-гом! – И он проделал ту же процедуру, что городовой на прошлой неделе с Пузановым. И назидательно заметил: – Впредь старайся, на посту бди! Пшел!

Счастливый городовой пробкой выскочил в дверь, мысленно благословляя графа Соколова. Только что и успел крикнуть:

– Бегу, грешник, в трактир, рюмку за ваше превосходительство перекувыркнуть! Душевный вы человек...

Радости и тревоги

Заварзин пожал руку Сильвестру:

– Молодец, важнейших свидетелей раскопал!

– Да уж, теперь многое в деле может проясниться, – зарделся тот. – Я по книгам выяснил, что Хорек был вкладчиком в банке Шапиро. Ясно, что он сделал наводку, Чукмандин совершил хищение. Деньги поделили. Чукмандин, как свидетельствуют знавшие его, был алчным. Он задушил Хорька, забрал все деньги себе. И сделал это с помощью Клавки. Потом завлек ее в сарай, совершил прелюбодеяние и убил – боялся, видать, болтливой свидетельницы. Мадам Карская показала, что Чукмандин частенько заходил в ее веселое заведение, но проводил время исключительно с Клавкой – сердечные чувства-с!

Соколов участия в беседе не принял. Он покрутил ручку телефона, произнес в трубку:

– Барышня, соедините меня с директором Сибирского торгового банка, номер 317-89! Шапиро, это ты? Меня хорошо слышишь? Запечатай в конверт одну тысячу рублей ассигнациями и срочно с курьером отправь на Хлебную биржу, это соседний дом с твоим банком. Запиши фамилию – Матрена Пузанова. Чего? Нет, похищенное не обнаружила, а нашла свидетелей – это порой дороже денег! – Дал отбой. Потом вытащил из жилетного кармана часы. – Друзья, прощайтесь, нам, Павел Павлович, пора на Саратовский вокзал.

Заварзин назидательно сказал:

– Ты, Сильвестр, в Москве незаменим, продолжай действовать столь же энергично!

* * *

Через несколько минут коляска покатила сыщиков через весь город – многолюдный, оживленный, веселый. Соколов сидел погруженный в свои нелегкие думы, словно его сердце чувствовало: над головой уже нависла

смертельная опасность.

Опасная игра

Над Москвой с утра ходили густые, с темно-сизой подкладкой тучи.

– Надо бы успеть до дождя добраться, – озабоченно сказал Заварзин.

Соколов ничего не ответил, лишь махом взлетел на заднее сиденье, отчего легкая рессорная коляска заходила ходуном.

Гений сыска был весьма задумчив и молчалив. Это насторожило Заварзина. Он размышлял: «Заметил: если граф в себе замыкается, то это означает – чувствует необыкновенную опасность. Уж очень натура у него чуткая. Как бы опасность какая не произошла!» И начальник охранного отделения привычным движением ощупал кобуру: на месте! С недавних пор он стал носить, как Соколов, револьвер германских полицейских – мощный «дрейзе». Придет день, когда он его спасет от беды.

...Скорые события показали, что Соколов в своих худших предчувствиях не ошибался.

Доброжелательный начальник

Коляска была запряжена парой резвых молодых лошадок, которые, словно радуясь своей прыти, резво зацокали подковами по булыжной мостовой.

Когда проезжали Овчинники, начался прямой – стеклянными нитями – дождь. Казенный кучер Антон, противный брюзга, осадил разогнавшихся лошадей:

– Тпр-ру! Башка у вас большая, а мозгу в ей, как у таракашки – какашки. Соображать обязаны: их благородия изволят мокнуть. – И он, спрыгнув на землю, поднял кожаный задок. Обратился к седокам: – Ватерпруфы достать? Или так дотрусимся? Езды – что волосок с...

– Да гони, оглашенный! – заревел Соколов.

– Едем, едем! Вы, благородия, потерпите, а я не подкачаю, домчу. От дождя тоже привычку иметь надо. И дождь чего? Так, мелочь незаметная. Вот если б с неба, к примеру, булжники летели, то это, понятно, расстройство. Но! – хлопнул вожжами по сытым бокам лошадок. – То ли отцы святые терпели? В житии сказано, как на одного угодника червь был напущен. Ей-богу! Уж как, поди, сердечному неприятно было, а терпел. А дождь – тьфу! Вот и приехали.

* * *

Саратовский вокзал, отстроенный лишь в 1900 году, поражал своей утонченной архитектурой и гигантскими размерами. Пахло паровозным дымом, порой до слуха долетали гудки. К фасаду то и дело подкатывали коляски, носильщики волокли на плечах тяжеленные поклажи, городовые и филеры бдительно следили за порядком – царило обычное вокзальное оживление.

Не успел Антон остановить горячих, запыхавшихся лошадей, как к коляске подскочил услужливый мужичок с бритым румяным лицом, в холщовом картузе, в переднике с бляхой:

– Извольте, господа, услужить насчет багажика!

Об удивительной памяти Заварзина ходили легенды. Он, кажется, помнил всю громадную рать осведомителей не только в лицо, но и умел рассказать биографию и послужной список каждого из них. Вот и теперь он рассмеялся:

– Не надорвись, Федор Муштаков!

Носильщик близоруко прищурился, оскалил желтые крепкие зубы:

– Ах, батюшки, оказия какая! Простите конфуз, ваши благородия. Второпях не разглядел...

С удвоенным рвением он бросился к багажнику, находившемуся в задке, и стал помогать Антону вытаскивать тяжелые чемоданы.

Соколов хмыкнул:

– Федор, не тряси поклажу господина полковника. У него спрятана банка нитроглицерина. Как жахнет! Я ведь помню, что именно ты арестовал скрипача со взрывчаткой[2 - История эта рассказана в книге «Граф Соколов – гений сыска». (Примеч. авт.)].

– И тогда даже бедный Сильвестр Петухов пострадал от твоей богатырской десницы, – развеселился Заварзин, обращаясь исключительно к Соколову. – И напрасно! Человек он славный! – Начальник охраны любил похвалить своих сотрудников.

Знакомое лицо

Пройдя под гулками сводами вокзала, Соколов со спутниками оказался на перроне. Тяжелая махина паровоза уже разводила пары, жирно блестела смазкой, весело сияли тщательно протертые никелированные части. Синий вагон первого класса выделялся деревянной желтоватой обшивкой.

Соколов легко поднялся по крутым ступенькам, пошел по зеленому ковру узкого длинного коридора. Двери с зернистыми стеклами кое-где были уже закрыты разместившимися за ними пассажирами.

Мужчина лет тридцати, мордатый, с густыми бровями, курчавившейся смолистой шевелюрой, с выразительными агатовыми глазами и в коротком однобортном летнем пальто, вежливо раскланялся с Соколовым и его спутниками.

– Где-то я видел эту физиономию, – Заварзин наморщил лоб, входя в маленькое двухместное купе. – Я усвоил золотое правило: обязательно вспомнить то, что

запомнил... Может, в министерстве? Или в Купеческом собрании на Малой Дмитровке? Да, кажется, он там играл в покер. Или?...

Вскоре гулко ударил колокол. Торопливо заскрипели в коридоре быстрые шаги провожающих. Поезд дал два коротких гудка. Лязгнули буфера, вагон дрогнул. Медленно набирая скорость, покатился вдоль перрона с его густой, мокрой от дождя толпой провожающих. Здание вокзала таяло в туманной дымке.

– Давай переоденемся в сухое и пойдем в ресторан! – бодро проговорил Соколов. Сейчас он испытывал приятное чувство: азарт охотника, вышедшего на опасного зверя. И еще: он полюбил Саратов и наивно-провинциальных коллег. Все это заставляло с нетерпением ожидать прибытия в город на Волге.

По коридору, заложив руки за спину, прохаживался молоденький дежурный жандарм, застенчиво улыбнувшийся Соколову: знать, узнал!

Испанская партия

В ресторане было уже многолюдно. Официант быстро поставил на пахнущую свежестью белую скатерть графинчик водки, грибки, селедку с горячей картошкой и нежно-телесного цвета лососину.

Едва выпили по первой, как в дверях, вопросительно озираясь, появился тот самый мужчина с агатовыми глазами, что показался столь знакомым Заварзину. Вошедший вежливо произнес:

– Приятного аппетита, господа! Я не помешаю, если к вам присяду...

Заварзин отозвался:

– Милости просим. Водку пьете?

– Спасибо, с удовольствием разделю столь изысканное общество!

– За знакомство! Хотя, признаюсь, у меня ощущение, что мы с вами встречались. Лицо ваше знакомо...

– Очень возможно! Мне ваше тоже. Позвольте представиться: депутат Государственной думы третьего созыва, потомственный дворянин Тищенко Герман Мартынович.

Соколов вопросительно поднял бровь:

– От какой губернии?

– От Екатеринославской. Баллотировался вместе с председателем нашей земской управы Михаилом Владимировичем Родзянко. И еще в Думу прошел приятель моего покойного отца Образцов – преподаватель духовного училища.

– Если не ошибаюсь, он председатель отдела Союза русского народа? – спросил Соколов.

Тищенко с чувством превосходства улыбнулся:

– Нет, товарищ председателя. А я по личным делам направляюсь в Раненбург. Там умер дядюшка-помещик, богатое имение завещал мне. Пока налегке еду. Следует вступить в права наследства. Жажду посвятить себя жизни в деревне: без твердой руки хозяйство быстро придет в упадок. Я в прошлом году был в Зосимове – так зовется имение. Хозяйство в замечательном порядке. Но удручает положение некоторых крестьян: пьянствуют, отлынивают от дела, семьи их находятся в самом жалком положении. Хочу принудить их работать. Согласитесь, что это моя священная обязанность – заботиться о благе крестьян.

Заварзин возразил:

– Все так, но разве пьяницу и лодыря можно заставить трудиться? Его хоть на расстрел веди, он настоящим тружеником не станет. И все ваши, Герман Мартынович, усилия пойдут насмарку. Мы, кстати, землемеры, едем в Саратов по служебной надобности.

Принесли стерлядь по-русски и заливное из каплунов.

Сыщики выпили водки, Тищенко наотрез отказался:

– Вы промокли и промерзли, а я убежденный враг выпивки!

– Чем же вы увлекаетесь в таком случае?

– Шахматами.

– Прекрасно! – обрадовался начальник охраны. – После обеда сразимся.

* * *

После обеда Тищенко заглянул в купе сыщиков. Заварзин в приятном нетерпении (уж очень любил он древнюю забаву!) достал из багажа дорожную доску и расставил малюсенькие фигуры.

Тищенко улыбнулся – и вновь с чувством превосходства.

– Нет, сегодня мы играем на этой красавице! – И он положил на столик громадного размера, массивную и красиво инкрустированную шахматную доску. На светлой клетке справа было начертано: «Народному избраннику Г. М. Тищенко от избирателей. 1907 г.». – Как говорил Петр Великий, «шахматы настолько игра прекрасная, что плохо играть в нее – дело постыдное»!

– Тем более на такой доске. И фигуры как умело резаны!

– Из грушевого дерева.

Соколову темперамент не позволял долго сидеть за шахматной игрой, по этой причине он со стороны наблюдал за соперниками. Заварзин, расставляя фигуры, предался воспоминаниям:

– В гимназии я был сильнейшим шахматистом, а однажды, уже взрослым, сделал ничью с ныне знаменитым Дуз-Хотимирским.

– Поздравляю!

Вскоре выяснилось, что соперники играют испанскую партию. Еще через двадцать минут начальник охраны сдался. Депутат Тищенко играл блестяще.

Откровения

Заварзин нажал кнопку электрического звонка. Прибежал проводник. Начальник охраны протянул ему шесть рублей:

– Принеси, братец, из ресторана шампанское. – Обернулся к спутникам: – За проигрыш следует платить.

Чудный напиток вскоре искрился в бокалах, мелкие пузырьки прямыми струйками тянулись вверх. Депутат на сей раз не отказался и пил с явным удовольствием.

Новый знакомый вызывал у гения сыска беспричинную тревогу. Соколов все пытался припомнить депутата, который носил бы фамилию Тищенко. И не мог. Сыщик не без умысла спросил:

– Герман Мартынович, вы лично поднимали какие-нибудь вопросы в Думе?

– Нет, но в своих выступлениях настоятельно поддержал запросы депутатов Тесленко и Скороходова относительно тех преступных организаций, которые сгруппировались вокруг охранных отделений. Их состав – отбросы общества, деклассированные элементы. – Тищенко, все более распаляясь, продолжал: – Вся деятельность охраны покрыта мраком неизвестности. Средства на ее содержание из государственного казначейства идут без контроля и ограничений.

Сыщики с интересом слушали эти излияния. Впрочем, многие депутаты разогнанной Думы выступали с таких же наивно-озлобленных позиций. Заварзин подлил шампанского в бокалы. Гость, размахивая рукой, горячо продолжал:

– Да, охранка наделена бесконтрольным правом арестовать, задержать, избить, даже расстрелять кого угодно, без всякой вины.

Заварзин не выдержал, с иронией произнес:

– Неужто? Ах, негодяи!

– Будто вы сами не знаете! – зло скривился Тищенко. – У нас на Руси сотни человеческих жизней отнимаются по одному мановению руки какого-нибудь спившегося жандармского полковника. Достаточно ему произнести «Пли!» – и покорные, несчастные солдаты лишают жизни цвет и гордость нации – борцов за народное счастье. – Взглянул на Заварзина: – Реванша небось хотите?

– Хочу! – И стал расставлять фигуры.

– Еще Людовик Тринадцатый, живший в семнадцатом веке, говаривал: «Шахматы прекрасны тем, что тут идет сражение без крови». – Почесал кончик мясистого носа, добавил непонятное: – Но у нас случай особый. – Взглянул в окно. – Что, Жилево уже скоро? – Достал из сюртучного кармана часы. – Почти сто верст отмахали. Скоро Кашира. – И сделал первый ход.

Через десять минут Заварзин успел потерять коня и пешку. Соколов наблюдал за гостем: тот то и дело доставал часы, словно боялся опоздать, и вглядывался в туманную дымку за окном. Вздыхал:

– Эх, совсем день коротким стал, темнеет быстро.

Заварзин собрался сдаваться, как гость вдруг зевнул ферзя. Заварзин деликатно указал на это. Тищенко снова посмотрел на ручные часы, нервно сглотнул, вскочил с места и торопливо проямлил:

– Сдаюсь, поздравляю. Расставляйте фигуры – играем третью партию. Решительную. А я в... в этот... в ресторан, контрибуция за проигрыш, э-э... шампанское. За ошибки платить надо! – И Тищенко резво удалился.

Соколову поведение Тищенко показалось подозрительным. Он размышлял: «С какой стати этот господин нервничает? И точно ли этот тип тот, за кого себя выдает? А если врет, то ради чего? Ради бахвальства?»

И вдруг он услышал, как хлопнула дверь соседнего купе, где помещался Тищенко, и послышались быстрые бегущие шаги по коридору. Соколов выглянул в коридор. Он успел заметить, что на Тищенко надето короткое однобортное пальто и шляпа. Депутат бросился в тамбур, в руке у него что-то блеснуло. «Похоже на ключ от вагонных дверей, – соображал Соколов. – Он что, собрался на ходу прыгать? Почему?»

Острым взглядом впился Соколов в массивную шахматную доску, оставленную депутатом на столе. Воскликнул:

– Замыкатель химического действия! Сейчас рванет! – и, схватив массивную доску, начиненную взрывчаткой, ринулся в тамбур. – Стой, паразит, за пазуху сейчас тебе засуну!

Но злодей успел опередить Соколова. Он в упор выстрелил в дежурного жандарма. Тот грохнулся на пол, заливая тамбур кровью. Тищенко направил дуло в сторону Соколова, спустил курок. Грохнул выстрел, пуля разбила зеркало, висевшее рядом на стене. Убийца открыл вагонную дверь и прыгнул на крутую насыпь. Поезд въехал на мост. Еще мгновение – и купе разнесет в щепки.

Соколов бросился к распахнутой двери. Он увидел, как злодей с кошачьей ловкостью катится кубарем вниз по откосу. Затем вскочил на ноги и рванул вниз, к реке.

Соколов изловчился и, словно диск, запустил вслед злодею смертоносную шахматную доску-бомбу. Бомба упала недалеко от убежавшего. От удара о землю боек сработал. Раздался взрыв. Состав качнуло, заскрежетало железо, казалось, еще чуть-чуть – и поезд полетит с откоса. Небо заволочло черным дымом.

Кто-то рванул ручку пневматического тормоза, изобретенного полувеком раньше Джорджем Вестингаузом. Отвратительный скрежет вырвался из-под колес,

резанул уши. В купе и проходах пассажиры полетели на пол. Раздались крики и дикие стоны.

В мире таинственного

Поезд по инерции прошел еще саженой сто. Вагон первого класса, прицепленный от паровоза третьим, успел пройти весь мост. Заварзин, размахивая «дрейзе», давно порывался спрыгнуть вниз. Соколов пытался его удерживать:

– Стой, куда? Ограда моста почти вплотную к вагонам. От тебя, как от нашего шахматиста, одни пуговицы останутся.

Пассажиры, поначалу оробевшие, теперь, когда поезд остановился, любопытной гурьбой вывалились из вагонов.

Сыщики остановились на краю довольно глубокой воронки от взрыва. Все, что удалось обнаружить, – шляпа.

– Удивительно, но совершенно не пострадала, – сказал Соколов, отряхивая с темно-серого фетра пыль. – На этикетке значится: «Торговый дом Г. Вотье и К

». Дорогой магазин – Невский, сорок шесть. Когда я был молодым, то старался следовать последней моде. Сейчас смешно вспоминать об этом. Ведь все эти модные магазинчики удовлетворяют тщеславие людей слабых, в себе не уверенных. Ибо по-настоящему великий человек может одеваться так, как хочется ему самому, а не какому-то Вотье. Ну да ладно. Скажи-ка, Павел Павлович, а где кадавр великого шахматиста? Вот сукин сын! Обещал шампанского, а вместо этого подсунил бомбу. Легкомысленная нынче молодежь. Э, гляди, вот валяется портмоне. Так, пачка денег, паспорт.

– На чье имя?

– Асланов Адольф Иосифович, звание – мещанин, время рождения – 1878 года рождения, вероисповедание – православный, холост. Место постоянного проживания – Москва, село Черкизово, владение Гликерии Родионовой. Отношение к отбыванию воинской повинности – уволен вовсе по состоянию здоровья (психическое расстройство), основание – приказ по Московскому военному округу номер девяносто один...

– Ясно, что псих, – усмехнулся Заварзин, – надо срочно известить службы в Москве: если появится по месту жительства, немедленно арестовать.

* * *

Вопреки всем усилиям, ни трупа, ни его фрагментов найдено не было.

– Видать, на мелкие клочки разнесло, – оптимистично предположил Заварзин.

Соколов мудро возразил:

– Я верю в смерть лишь тогда, когда своими глазами вижу труп.

Шальной

Оглашая окрестности долгими победными гудками, выпуская из-под круглого металлического брюха шипящий пар, поезд 181-а хоть и с приключениями, но приближался к прекрасному и древнему городу Саратову. Как в те годы писали путеводители, «в Саратове свыше 150 тысяч жителей, более сорока учебных заведений – средних и низших, много ученых обществ и общеобразовательных учреждений, между ними Радищевский музей, два театра и несколько клубов».

Но Соколова статистика не занимала. Он был уверен: в этом городе на Волге живут, дышат, готовят убийства и государственные нестроения кровавые выродки, называющие себя террористами-революционерами. Для гения сыска само слово «террорист» было бранным.

Теперь предстояла с ними схватка – не на жизнь, а на смерть.

Азартная служба

Поезд подъехал к дебаркадеру саратовского вокзала в девять двадцать утра. Соколов, чисто выбритый, освеженный дорогим одеколоном «Локсотис» (фирма «А. Ралле и К

», восемнадцать рублей за флакон), в хорошо сшитом костюме от Жака, в мягкой велюровой шляпе, вызывающе красивый, атлетического сложения, сошел на булыжную мостовую.

Рядом в нарочито неброском виде, но с осанкой, выдававшей офицера, держался Заварзин.

Как водится в таких случаях, к приезжим бросились посредники, загомонили:

– Господа, милости просим к нам, в гостиницу «Европа»! Это вовсе рядом, на Немецкой улице...

– К нам, в «Россию», уютно, как у тещи под юбкой!

– Уж нет, в «Центральную», канфорт замечательный!

Соколов строго произнес:

– Кыш отсюда! – Поглядел на извозчика, сидевшего на козлах недалеко от главного вокзального выхода и не обращавшего внимания на жаждавших прокатиться. Извозчик был осанистым, с густой бородой, в кучерской плюшевой шляпе раструбом вниз и большой пряжкой на черной ленте, в добротном армяке верблюжьего сукна, подпоясанном красным кушаком, и такой же красной рубахе.

Соколов улыбнулся, обращаясь к спутнику:

– Павел Павлович, взгляни на этого возилу, узнаешь?

– О, да это твой приятель Коля Коробка?

– Так точно! Любопытно, кого он разглядывает в толпе?

– Да уж, словно коршун добычу высматривает. И уже второй раз отказал желающим прокатиться.

Соколов подошел сбоку, произнес смиренным голосом:

– Любезный, подвезите, пожалуйста, поблизости...

– Занятый! – отрезал, не поворачивая головы, извозчик.

– Я вам пяточок добавлю, – продолжал Соколов канючливым голосом. И вдруг басовито рявкнул: – Не повезешь, так ноги повыдергаю!

Тут Коробка повернул голову и... расцвел счастливой улыбкой:

– Аполлинарий Николаевич, радость какая! По делам к нам? Это распрекрасно, ей-богу! – Перешел на шепот. – Ведь меня в филеры взяли. Жалованье хорошее. И служба азартная.

– Фигуранта ждешь?

– Его самого, из Москвы. Второй день тут киснем, смотрим по приметам. Кажись, опять не прибыл.

– Каков из себя?

Коробка замялся, помня про «неразглашение тайны», да под взглядом гения сыска поежился и, вздохнув, заученно затараторил:

– Пол – мужчина, возраст – годов тридцати с малым, телосложения крупного, грудь широкая, роста выше среднего, волосы густые, темного цвета, зачесывает назад, нос мясистый...

– Носит короткое однобортное пальто темно-синего цвета, велюровую шляпу. Так?

– Он самый!

– Надеюсь, этого субчика тебе ждать придется до второго пришествия. Так что вполне есть время прокатить нас.

– Ну, если под вашу ответственность... Куда поедет? В охранку, к полковнику Рогожину?

– Нет, вези к моему приятелю полицмейстеру Дьякову.

Таракан за печкой

Еще при подъезде к полицейскому управлению из раскрытого окна на втором этаже московские сыщики услышали громогласную ругань знаменитого на всю губернию полицмейстера.

Соколов без доклада вошел в кабинет и застал замечательную сценку. Великолепный полицмейстер заталкивал какую-то бумагу в рот стоявшему перед ним навтыжку человеку с тросточкой и в клетчатом пиджаке песочного цвета. В несчастном Соколов узнал другую местную достопримечательность – филера Коха по кличке Жираф.

Раскрасневшийся Дьяков с гневом повернулся к дверям и... в единый миг растаял. Он оставил свою жертву и бросился обнимать гостей.

– Нечаянная радость! Благодетели мои, по каким делам в наши пенаты? – Повернулся к Коху, погрозил бугристым кулаком: – Ух, ирод, я тебя проучу еще, узнаешь, как фальшивые расходы сочинять! Ишь, накатал мне трактиров,

извозчиков, железнодорожных расходов на сорок один рубль в месяц! Это кроме суточных, что в дни наблюдений выдаю. Каков гусь, а? Ты мне в счет включи еще расходы на своих блядей и шампанское, кои они лакают! Ух, я тебя...

Соколов, малость повеселившись, приказал:

– Садись за стол, Николай Павлович! И пусть пострадавший Кох остается с нами. Сегодня надо неожиданно – пока не проведал про мой приезд – сделать обыск у зубного врача Бренера.

– Так у него ничего не нашли! – сказал Дьяков. – Сам Медников у нас две недели гостил, мы с ним малость тут гульнули. Его топтуну безотлучно наблюдение вели, все связи установили, а вот ваш Сильвестр Петухов шмонал, да ничего не нашел. Даже Рогожин присутствовал. А теперь ваши московские филеры – отец и сын Гусаковы – их оставил Медников, продолжают пасти Бренера, наблюдают за его гостями. Они и сейчас против ворот Бренера в кустах сидят. Составили донесение по десятидневной проследке и наблюдению: «Бренер в подозрительных связях не замечен». Сводки наблюдения можем затребовать.

Соколов заметил:

– Зубной врач под видом пациентов может принять товарищей по организации. А те легко притащат для хранения и динамит, и нелегальщину. Так что нужен повторный обыск.

– Мы люди не гордые, не погнушаемся, еще разок поищем, – подтвердил Заварзин.

Дьяков легко согласился:

– Это точно! У российского человека всегда поискать полезно: все что-нибудь найдешь. Не бомбу, так книжку запрещенную или таракана за печкой. Ха-ха!

Соколов выпрямился во весь гигантский рост:

– Так что время терять? Вперед!

Маневры

Вздывая выше туч знаменитую саратовскую пыль, коляска, запряженная парой, миновала пожарное депо. Казенный возчик натянул вожжи:

– Тпрру, прибыли!

Из густых зарослей, что буйно произрастали против вполне крепостных ворот Бренера, вылезли Гусаковы.

– Аполлинарий Николаевич, миленький, как радостно видеть вас! Где Бренер? Да там, паразит, в доме сидит. С раннего утра из трубы дым прет – нелегальщину, поди, жжет. А мы вдребезги замучились...

Дьяков кивнул Коху:

– Ну, Жираф, действуй!

Кох, легкой поступью хищника, готовящегося сцапать жертву, стал красться вдоль высокого кирпичного забора, за которым злобно рычала собака. Возле дверной калитки, обитой листовым железом, подергал веревку колокольчика, еще и еще раз. Наконец раздался заспанный женский голос:

– Чего надоть?

Кох артистично скорчился и жалостным голосом произнес:

– Гутен таг, фрейлейн! Господина доктора надо! Ужас как зубы ноют, хоть в Волге топись.

За дверями зевнули, равнодушно ответили:

– Доктор уехамши. Куда? Да в эту, как ее, ну, в Астрахань. Иди, милоч, в другое место.

Кох аж всхлипнул:

– Мадам, очаровательная фрейлейн! Откройте на краткий миг вход в вашу обитель, я вам на ленты и духи желаю три рубли пожертвовать, – и погромел мелочью в кармане.

Просителя оставили стоять возле замкнутого входа. Кох страшным голосом заорал:

– Быстро открыть! Полиция!

Этот вопль даже не удостоили ответом.

Легкомыслие

В дело решительно вступил Соколов. Оглядев калитку и, видимо, убедившись в ее особой прочности, приказал Дьякову:

– Николай Павлович, встань в позу!

Тот выпучил глаза и пошевелил усищами:

– В какую?

– В ту самую, в какую солдат Копьев ставил матушку-императрицу Екатерину. И потерпи ради любимого Отечества.

Здоровенный Дьяков наклонился. Соколов забрался ему на спину, дотянулся до верха забора. Собачий лай раздавался уже не смолкая. Сыщик перемахнул во владения Бренера.

Кругом царил бесподобный порядок: посыпанные золотистым песком и мелким гравием дорожки, клумбы с осенними цветами, бьющий струями фонтан, подрезанные кусты и деревья.

Тем временем собака, оказавшаяся злобным волкодавом, щерилась, примериваясь к своей жертве.

Соколов отломил от дерева увесистый прут, огрел им зверя:

– Фу, на место!

И зверь вмиг потерял свою злобную решимость. Поджав хвост, гремя цепью, он вполз в конуру.

Соколов тут же перевернул ее – отверстием к земле:

– Сиди под арестом!

И вдруг с крыльца островерхого двухэтажного дома, какие строят лишь где-нибудь в Баварии, раздался насмешливый голос:

– Очень трудно верить, но ко мне, как подлый воришка, через забор проник сам граф Соколов! Я не ошибаюсь? Руки вверх, лицом к забору! Ахтунг: стреляю без предупреждения!

Соколов рассмеялся:

– Сколько в вас легкомыслия, Бренер! Дом оцеплен полицией, а вы глупые команды отдаете. Положите на землю оружие убийства и откройте калитку.

– Прежде я убью вас, граф! Вы – защитник прогнившего самодержавного строя, который есть тюрьма народов. – Глаза Бренера фанатично горели, вопли его были слышны за забором. – Поднять руки, я отличный стрелок!

Дырка на память

Дьяков взволновался:

– Наш боевой друг в беде, а мы отсиживаемся в засаде! Вперед, на штурм вражеской цитадели! Жираф, полезай на забор, давай я тебя подсажу.

Заварзин разумно заметил:

– Зачем на рожон лезть? Надо зайти с тыльной стороны...

Дьяков махнул рукой:

– Поздно! Давай, Жираф!

Тот поежился:

– Может, подкрепление вызовем? Вон, хоть пожарников...

– Молчать! Вперед, ура! – И Дьяков, ухватив под микитки Коха, стал его подсаживать. Тот вздохнул, перекрестился. Затем, изловчившись, подтянулся на руках и заглянул во двор. Внизу, прямо под ним, стоял Соколов, скрестив на груди руки. Жираф отважно заорал:

– Бренер, сдавайся, собака!

Тот, почти не целясь, пальнул из ружья. Пуля сбила с головы Коха модное канотье с широкой черной лентой, которое полетело на землю. За шляпой кубарем полетел с ограды ее владелец, вполне живой и даже счастливый. Вскочив на ноги, Кох поднял шляпу, замахал ею:

– Пробил насквозь, паразит! Меня прямо по макушке чиркнуло, во, глядите, даже кровь выступила. Чуток ниже – и не было бы меня на этом прекрасном свете, гуляли бы вы без меня, оплакивали бы мой прах верные подружки.

Дьяков по-отечески прижал пострадавшего к груди:

– Делать нечего, надо вызывать вооруженную подмогу. Десятка полтора полицейских, не меньше. Жираф, беги в пожарное депо, протелефонь дежурному...

Приговор

Позже Соколов одобрит Жирафа:

– Молодец, отчаянный мужик! За отвагу представляю к награде!

А пока что распаленный боевыми действиями Бренер наставил ружье на Соколова и торжественно, как надгробное слово, произнес:

– Близок день, когда ярмо самодержавного деспотизма разлетится в прах. Мы, революционеры, в борьбе с темными силами реакции не жалеем себя, кладем свои честные головы на кровавую гильотину царского режима. Вы, граф, один из столпов ненавистной монархии. Сейчас на вас падет возмездие народных масс. Вы ответите за все те муки, которые мы терпели веками. Итак, именем грядущей социальной революции приговариваю вас, граф, к смертной казни...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Это не плод авторской фантазии. Действительно, в самом начале Мясницкой, рядом с нынешним «Библио-Глобусом», был большой магазин «И. Г. Киров и К

». Странное совпадение: именно эта улица в советское время была названа Кировской – в честь одного из большевистских правителей.

2

История эта рассказана в книге «Граф Соколов – гений сыска». (Примеч. авт.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/lavrov_valentin/zheleznaya-hvatka-grafa-sokolova

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)